

НИКИТА ВЕТРОВ

ка **7** антип

ЭКСМО

Байкер

Никита Ветров

КаZантип

«Научная книга»

2006

Ветров Н.

KaZантип / Н. Ветров — «Научная книга», 2006 — (Байкер)

Если ты не знаешь, что такое настоящая любовь, ради которой человек не раздумывая идет на самый отчаянный шаг, – не читай эту книгу. Если ты боишься запредельных скоростей, когда ветер хлещет по лицу, и оглушает рев мотоциклетного мотора, и когда земля расстилается перед тобой зеленым ковром, и весь мир принадлежит только тебе, – не надо, не читай. Если ты полагаешь, что KaZантип – это мыс на севере Крыма, и ничто иное, – не читай. Помни лишь об одном: KaZантип – это волшебная планета, пятое время года, совокупление дня и ночи, танец воды, огня и воздуха; он всегда распахнет перед тобой свои двери...

© Ветров Н., 2006

© Научная книга, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Никита Ветров

KaZантип

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Приближающийся треск мотоциклетного двигателя заставил Лену обернуться. Черный, как вороново крыло, байк «Агрессор», поблескивающий в лучах катящегося за горизонт солнца, спустился с косогора, лихо заложил вираж, выбрасывая песок из-под заднего колеса, и как вкопанный остановился в паре метров от берега. Лена поднялась на ноги. Над водой позади нее стелился прозрачный, едва заметный дымок, а ее светлые волосы развевал легкий ветерок. На ней была бежевая блузка с открытым воротом и темные брюки до пят, скрывающие босые ступни. Босоножки остались лежать на песке около воды.

Мотоциклист спешил. Несмотря на установившуюся еще с середины мая почти тридцатиградусную жару, на нем красовались проклепанная черная кожанка в цвет мотоциклу и такие же черные кожаные штаны. Общую картину завершал расписной черный шлем с опущенным тонированным забралом, как у средневекового рыцаря, что не позволяло разглядеть его лица. Красный диск солнца, повисший над самой кромкой реки, отражался от блестящего черного пластика, отчего оранжевые языки пламени, протянувшиеся снизу вверх по обеим сторонам шлема, выглядели как настоящие. Они словно облизывали гладкий корпус традиционного байкерского головного убора, ярко вспыхивая при малейшем повороте головы. Металлические мысы высоких шнурованных ботинок утонули в песке.

Лена открыто улыбнулась ему и без колебаний двинулась навстречу.

– Как ты меня нашел? – Девушка развела руки в стороны, приглашая его в свои объятия. – А я думала, что...

Фраза так и осталась недосказанной. Когда их разделяло не более полутора метров, неожиданные и совершенно необъяснимые действия мотоциклиста заставили Лену остановиться. Выражение ее миловидного овального личика с озорно вздернутым острым носиком начало меняться. Улыбка исчезла, а радость сначала сменилась растерянностью, а затем уступила место откровенному недоумению. Байкер не снял с головы шлема. Более того, он даже не счел нужным поднять забрало. Вместо этого он неторопливо склонился к мотоциклу и извлек из объемного шестидесятилитрового кофра компактную бейсбольную битку отталкивающего канареечного цвета.

Лена невольно отступила на шаг назад.

– Что ты?..

Однако и на этот раз окончание ее вопроса повисло в воздухе. Байкер стремительно двинулся вперед. Бейсбольная битка мелькнула у него над головой, а затем резко опустилась на хрупкое плечо девушки. Лена истошно закричала. Ноги подкосились, и она упала на песок. Испуганно вскинула голову. Новый удар биты пришелся ей по подбородку. Девушка опрокинулась навзничь, из левого уголка рта на воротник ее белоснежной блузки потекла струйка крови. Кричать она уже не могла, издавая только звуки, похожие на стоны и всхлипывания одновременно. По щекам покатились слезы.

– Не надо... Пожалуйста...

Он возвышался над нею, глядя сверху вниз. Морщась от боли в плече, Лена приподнялась на локтях и поползла в сторону реки. Очередной удар обрушился ей на спину и заставил уткнуться лицом в еще теплый песок. В отчаянной надежде Лена выбросила вперед правую руку и кончиками пальцев коснулась воды. Подтянула ноги, оставляя за собой колею на песке. Байкер вновь взмахнул битой. Орудие со свистом описало в воздухе кривую дугу и снова опустилось девушке на спину. Стон оборвался на выдохе... Сознание оставило Лену. А вместе с ним ушла и боль...

Байкер опустил битку, зашел слева и, поддев жертву металлическим мыском ботинка, перевернул лицом вверх. Глаза девушки были закрыты, но она дышала, что несложно было

определить по ее вздымающейся груди. Несколько секунд он молча смотрел на нее, не принимая никаких действий и словно размышляя о чем-то. Оранжевые языки пламени на его шлеме продолжали играть в лучах заходящего солнца.

Желание ударить беспомощную жертву еще раз было велико, но байкер справился с искушением. Резко развернувшись, он зашагал обратно, к тому месту, где оставил свой мотоцикл. Убрал биту на прежнее место и ловко прыгнул в седло. Мотоцикл взревел, эффектно развернулся, швырнув из-под заднего колеса новую порцию песка, и резво устремился вверх по пологому склону в направлении погружающегося в вечерние сумерки подмосковного городка.

Глава 2

Рев наполовину заполненных трибун серпуховского стадиона смешался с мотоциклетным треском в единую какофонию. Мотобол не пользовался среди местного населения такой бешеной популярностью, как, например, футбол или хоккей, но матч на первенство России сумел собрать сегодня немалое количество зрителей. Тем более что «Дьяволы Локки», защищавшие на чемпионате честь Серпухова и имевшие неплохие шансы на выход в четвертьфинал, к концу третьей, заключительной, двадцатиминутки уверенно вели в счете с превосходством в четыре гола. 8: 4 в пользу хозяев встречи. Играть до финальной сирены оставалось не более трех минут, и у противников, команды из Томска с крикливым и вычурным названием «Драконы Средневековья», не было никаких шансов отыгратися. Но сдаваться они не собирались. Томичи оказались крепкими и настырными парнями.

Виктор Громов, бесспорный лидер серпуховских «дьяволов», творил самые настоящие чудеса, именно его действия вызывали очередной всплеск дикой активности со стороны обезумевших от захватывающего зрелища трибун. Мастерство Громова заключалось не только в виртуозном владении мотоциклом, но и в точном и быстром просчете игровой ситуации, предвидении ее дальнейшего развития... Невозможно было поверить, что подобные финты реально было проделать, сидя на мотоцикле. Черный расписной шлем Виктора со сверкающими по бокам языками пламени и опущенным тонированным забралом, скрывающим лицо, раз за разом неизменно оказывался в самой гуще разворачивающихся событий...

Выбрасывая из-под протекторов задних колес комки грязи, мотоцикл Громова зашел слева от владеющего мячом одного из атакующих томичей, следуя параллельным встречным курсом. Атака была настолько точной и стремительной, что противник даже не успел среагировать на нее должным образом. Громов выбил мяч из-под ноги соперника, заложил глубокий вираж и, развернувшись буквально на одном месте, уже сам помчался в направлении ворот «драконов». Трибуны взорвались новым приступом рева. Томичи не успели вернуться в оборону и занять нужную позицию вдоль линии вратарской площадки. Секунды неумолимо отсчитывали свой бег.

Громов разогнался и, протолкнув мяч вперед, с ходу нанес сильнейший удар. Вратарь оказался бессилён, и, ко всеобщему восторгу местных болельщиков, девятый по счету мяч затрепыхался в сетке ворот «драконов». Громов резко затормозил и победоносно развернулся уже под гул финальной сирены. Зрители повскакивали с мест. Виктор сдернул с головы шлем. Его красивое смуглое лицо с яркими выразительными чертами светилось от счастья. Тонкие губы растянулись в улыбке. Взмокшие от пота черные волосы блестели и торчали в разные стороны. Громов победоносно вскинул вверх правую руку. К нему подкатил Литяев с поднятым забралом. Следом за ним к центру поля потянулись и остальные члены команды, торжественно ревя движками. Поверженные «драконы» кучкой сгрудились у своих ворот.

– Шесть голов из девяти! – Литяев дружески хлопнул Виктора по плечу. – Черт возьми, Гром! Ты сегодня как с цепи сорвался.

– Это наша общая победа, – улыбаясь, ответил Громов. Он уже держал шлем под мышкой. – Три гола я забил с твоей подачи. Это было круто! Мы сделали их!..

– Это было несложно...

Оба парня счастливо рассмеялись. Подкатили остальные одноклубники. Они тоже радостно хлопывали Громова по плечам и по спине, без всякой зависти и вполне искренне высказываясь в адрес его сегодняшней бесподобной игры. Всем членам команды, как и Виктору, было не более двадцати трех лет.

Сопровождаемые ликованием трибун, «дьяволы», выстроившись цепочкой, в голове которой занял позицию Громов, двинулись к раздевалке. Тренер команды, Игорь Васильевич

Томилин, крепко сбитый, коренастый мужик средних лет с зачесанными назад светлыми волосами, поджидал своих подопечных за ограждением. Он по очереди пожал каждому из игроков руки.

– Отличная игра, парни! – Его раскатыстый бас стремился перекрыть рев трибун. – Просто отличная! Еще пара таких игр, и мы в четвертьфинале. Я уверен в успехе. Мы – будущие чемпионы!

На какое-то мгновение глаза Томила остановились на покрытом потом лице Громова, и Виктору показалось, что взгляд у Игоря Васильевича какой-то странноватый. Тренер с самого утра сегодня выглядел до крайности озабоченным, и Громов был склонен связывать это обстоятельство с предстоящей игрой, которая много решала для «дьяволов». Но сейчас игра позади. Они одержали победу. А лицо Томила, несмотря на улыбку, все еще продолжало оставаться каким-то неестественным и напряженным.

– Молодец, Гром. – Томилин задержал его ладонь в рукопожатии на пару секунд дольше, чем при той же процедуре поздравлений с остальными игроками. – Выше всяких похвал... Я думаю, нам удастся сделать из тебя настоящую звезду мотоболла мирового масштаба.

Виктор провел рукой по мокрым волосам, приводя их в относительный порядок.

– Будем работать, Игорь Васильевич, – ответил он. – И постараюсь оправдать ваши надежды.

– Не сомневаюсь.

Томилин отступил в сторону, пропуская Виктора в раздевалку.

* * *

Приняв душ, мгновенно смывший с него усталость, и облачившись в привычное кожаное одеяние черного цвета, Громов со шлемом под мышкой пересек парковочную стоянку у стадиона и направился к своему мотоциклу. Не к тому «Ижу», на котором он сегодня гарцевал во время игры, а к своему собственному. Подержанный «Днепр» модели 8-157-022 именовался также «Агрессор». Хромированный черный корпус призывно поблескивал, и Громов открыто улыбнулся. Он любил свой агрегат, в котором многое довел до ума самостоятельно, не одну бессонную ночь проковырявшись в гараже. Он даже не сразу заметил припаркованный рядом с его мотоциклом милицейский автомобиль. Однако, когда дверцы «жигуленка» распахнулись и на потрескавшийся от жары асфальт ступили два неулыбчивых и сосредоточенных милиционера в форме, Громов невольно сбавил шаг и нахмурился. Парочка выступила ему навстречу.

– Громов Виктор Андреевич? – сухо и подчеркнуто официально осведомился тот, что был на полголовы выше напарника, когда его глаза встретились с глазами Громова.

– Да. – Виктор растерянно перевел взгляд с одного представителя правопорядка на другого и обратно. – А в чем, собственно говоря, дело?

– Старший лейтенант Дигарчук, – представился высокий и быстро продемонстрировал парню свое удостоверение в раскрытом виде.

Движение его было настолько стремительным, что Громов даже не успел толком взглянуть документ. Удостоверение вновь скрылось в нагрудном кармане Дигарчука, откуда он извлекал его секунду назад. Напарник старлея продолжал стоять молча, не удосужившись представиться. Он даже не смотрел в сторону Виктора, наблюдая за покидающими серпуховский стадион болельщиками. Некоторые из них останавливались и с любопытством смотрели на Громова. Среди любителей мотоспорта Виктор пользовался популярностью в родном подмосковном городишке. Можно сказать, местная знаменитость.

– У нас имеются полномочия для вашего задержания, – пояснил Дигарчук, качнувшись на каблуках. – Придется проехать с нами в райотдел, где вам уже все объяснят более подробно.

– Задержания? – Лицо Громова вытянулось. – Но почему? То есть я не понимаю, что я такого сделал и...

– Давайте сядем в машину, Виктор Андреевич. – Дигарчук заложил руки в карманы.

Старлей не был фанатом мотоболла, но всем своим видом он стремился показать, что ничего лично не имеет против Громова. Просто выполняет свою рутинную работу. Лицо его напарника и подавно выглядело равнодушно-скучающим. Громов переложил шлем в другую руку. Ему стало совершенно понятным, что сейчас и здесь ему никто ничего объяснять не станет.

– А можно я за вами на мотоцикле поеду? – осторожно спросил он.

Оставлять без присмотра родной «Агрессор» на парковочной стоянке стадиона ему совершенно не хотелось. Мало ли что...

– Вам не о чем беспокоиться, – добавил он. – Я не собираюсь сбежать. Честное слово.

Дигарчук замялся с ответом и бросил короткий вопросительный взгляд на напарника. Тот сдвинул фуражку на затылок, оттер со лба выступившую испарину и лениво пожал плечами. Несколько болельщиков продолжали толпиться неподалеку, явно заинтересованные тем, чем закончится randevу их кумира с представителями власти. Крутить у них на глазах Громову руки и цеплять на них металлические браслеты Дигарчук посчитал излишним. Парнишка не проявлял никаких признаков агрессивности и вел себя вполне по-человечески. Не было причин не ответить ему тем же.

– Хорошо. – Дигарчук согласно качнул головой. – Следуйте за нами.

Глава 3

– Однако жарковато сейчас ездить в полном прикиде. – Молодой парнишка с угреватим лицом и покрытым легкой щетиной подбородком поморщился и приложился губами к жестяной банке пива. Жадно сделал несколько глотков и поставил банку обратно на импровизированный столик в виде огромной дубовой колоды. – Я про боты, кожаные штаны, куртку, шлем, перчатки... Ну, вечером еще ничего, а днем... Сегодня с утра выехал в джинсах вместо кожаных штанов. Чувствовал себя по-дурачки, но хоть не жарко. Кстати, пока пил пиво, проскочило несколько мотоциклистов на хороших спортбайках, практически голые. Из экипировки только шлем. Честно говоря, ужас. Не понимаю, как так можно...

Колоритная компания из одиннадцати человек, в числе которых были и три девушки с повязанными на голове кожаными банданами, вольготно расположилась в облюбованной ими еще пару лет назад придорожной пивной «У Стаса». Табун разнообразных байков, от древних моделей «Явы» и «макак» до самопальных моделей с неестественно длинными вилками, пижонски выгнутыми рулями и вычурными колясками, стоял на приколе рядом с небольшой живописной речушкой. Компания собиралась здесь едва ли не каждый день, посчитав заведение «У Стаса» идеальным местом для байкерских тусовок. Да и пиво тут было путевое. Ничем не хуже того, которым торговали в центральном супермаркете Серпухова, а, может, даже и лучше.

Негласный вожак «стаи» по кличке Крученный, известный также в миру как Иннокентий Сибатулин, зверовидный мужик лет тридцати пяти, криво усмехнулся в ответ на выданный молодым товарищем монолог. Помимо традиционной кожанки и прочих элементов экипировки, о которых и зашла речь в неторопливой беседе, сопровождаемой распитием пива и покуриванием «травки», забитой в штукетины «Беломора», на Крученом красовалась немецкая каска времен Второй мировой войны с нарисованными на ней инфернальными символами и поднятые на лоб очки-консервы. Выбранный Сибатулиным имидж завершала густая косматая борода ярко-рыжего цвета, которую он время от времени теребил желтыми от никотина пальцами, извлекая изо рта косяк со шмалью.

– Ну, это, как говорится, кому че надо, – нравоучительно изрек он, глубоко затягиваясь дымом. – На мой взгляд, экипировка существует прежде всего для удобства и в какой-то степени для безопасности. Если ты едешь так, словно «завтра» не должно наступить, оно не наступит. Врубаетесь, пацаны? И потом есть же определенные правила... Устоявшиеся традиции, наконец. Байкер – это призвание. Стил жизни. Отступить от него – значит отступить от самого себя.

– Да, лучше вспотеть, чем голой жопой полировать асфальт, – подал голос сидящий рядом с Крученым Варфоломей. Одной рукой он сжимал наполовину опустошенную баночку пива, а другой беззастенчиво лапал за задницу примостившуюся у него прямо на коленях деваху с выбивающимися из-под банданы каштановыми прядями волос. – По моим наблюдениям, люди обсуждают эту тему либо до первого падения, либо пока своими глазами не увидят последствия падения в маечке на асфальт.

– Это точно, – живо поддержала его девушка. – Кто не пробовал, тот не поймет.

Она, не спрашивая разрешения, взяла из рук Варфоломея банку пива, сделала небольшой глоток и вернула тару своему кавалеру. Нырнула пальцами в боковой карман косухи и выудила из него сигарету. Пристроила во рту.

– Че за ботву ты куришь, Малая? – Крупная голова Крученого с косматой рыжей бородой развернулась в сторону девушки. Он оценивающе смерил ее взглядом и саркастически поцокал языком. – Мы же на отдыхе. Расслабься. Забить тебе косячок?

Колебания Малой, окрещенной так в силу своего еще юного возраста и невысокого роста, были недолгими. У нее не было пока столь откровенного пристрастия к «травке», как у многих из присутствующих на тусовке, но авторитет Крученого сделал свое дело. Молодежь не только прислушивалась к его словам, но и стремилась подражать легендарному в Серпухове байкеру практически во всем. Немаловажную роль играло еще и то обстоятельство, что каждый хотел быть к Крученому ближе, греться в лучах его авторитета, владеть его вниманием...

– Забей, – охотно согласилась девушка, пряча свою сигарету обратно в карман.

Крученый достал портсигар, раскрыл его и извлек одну беломорину. Протянул сидящему напротив соратнику с безобразным родимым пятном в пол-лица.

– Оформи-ка косячок, Балык, – напутствовал он товарища.

В этот момент Крученый заметил на трассе движущийся в их направлении мотоцикл. Легкая спортивная «Хонда» темно-бордового цвета с белыми полосами по бокам стремительно неслась над дорогой с такой скоростью, что невольно складывалось впечатление, будто байк вовсе не касается колесами асфальта, а летит над землей на низком бреющем полете. Крученый вынул изо рта сигарету с «травкой» и прищурился, предохраняя зрачки от прямых лучей солнца. Губы его растянулись в некоем подобии улыбки. Даже на таком расстоянии он без труда узнал того, кто к ним пожаловал. Все остальные члены мото-банды, за исключением Балыка, занятого порученным ему действием, тоже повернули головы в направлении летящего как на крыльях байкера.

«Хонда» свернула с основной трассы и напрямик направилась к придорожной пивной. Скорость байка упала, а в метре от занимаемых компанией столиков остановилась совсем.

– Хай! – Девушка сняла с головы шлем и повесила его на руль.

Ей было не больше двадцати двух лет, а яркая, не лишенная привлекательности внешность говорила сама за себя. Стройное, как кипарис, тело с округлыми формами утянуто в облегающее кожаное одеяние, состоящее из куртки с клепами и короткой, с трудом прикрывающей упругие аппетитные бедра юбки. Темные волосы с вызывающей челкой коротко стрижены, большие карие глаза под тонкими дугами бровей, чувственные губы и подбородок с ямочкой. Словом, девушка была не столько красивой, сколько броской.

– Какие люди! – Крученый приветственно отсалютовал ей банкой пива и тут же приложился губами к жестяному краешку. – Гюрза! Что-то давненько тебя не было видно. Я начал беспокоиться. И ревновать...

– Ревность тебе не идет, Крученый. – Движения Гюрзы были резкими и уверенными. Направляясь к столику вожака, она на ходу достала из кармана пачку сигарет, подцепила пальцами одну штуку и вставила в рот. Щелкнула зажигалкой. – Впрочем, так же, как и все прочие проявления чувств.

Крученый заржал.

– Я скучал по твоему острому язычку.

Здоровенный широкоплечий детина в черной бандане с изображенным на ней черепом и с серьгой в левом ухе плотоядно облизнулся и, когда Гюрза продефилировала мимо него, соблазнительно покачивая ягодицами, легонько хлопнул ее ладонью по туго затянутому в юбку задку. Шлепок получился достаточно звонким. Гюрза резко обернулась. Байкер ощерил зубы в улыбке. Может, его действия и были проявлением дружеского расположения, но Гюрза восприняла их совершенно иначе. Пальцы правой руки сжались в кулак, она немного оттянула локоть назад, а затем резко, как пружину, выбросила руку вперед. Кулак впечатался точно в нос нахалу. Хрустнула кость, и верзила опрокинулся навзничь вместе с пенькообразным табуретом. На этот раз смехом разразился не только Крученый, но и все остальные байкеры. Девушки одобрительно захлопали в ладоши. Поверженный байкер корчился на земле, прижимая обе руки к разбитому носу. Струйки крови стекали по его массивному квадратному подбородку. Без всяких эмоций Гюрза потеряла костяшки собственных пальцев, равнодушно пожала пле-

чами и продолжила прерванное шествие. Именно за это – за решительность, резкость и беспощадность – она и получила свою кличку.

– В самом деле? – обратилась она к Крученому, приблизившись вплотную и без церемоний усаживаясь к нему на колени. – И по какому же его качеству ты соскучился больше всего?

Одним движением руки Гюрза еще больше взлохматила рыжую бороду своего бойфренда, а другую тем временем завела ему за шею. Прежде чем Крученый успел ответить на последний вопрос, девушка запечатала его уста крепким поцелуем и беззастенчиво протолкнула язык внутрь мужского рта. Голоса за столиком смокли.

– Вау! – произнес наконец Крученый, когда этот стремительный и неожиданный поцелуй завершился. – Круто!

– Это только начало, – томно и многообещающе произнесла Гюрза, сверкнув большими карими глазами.

Она снова запустила пальцы в его густую бороду и, склонившись к самому уху жожака, что-то быстро зашептала. Потягивающие пиво и покуривающие папиросы с «травкой» байкеры хранили полное молчание, но даже в этой установившейся тишине невозможно было разобрать то, что говорила Гюрза на ухо Крученому. Балык передал Малой забитый косяк. Постановывая, поднялся на ноги сраженный одним ударом женского кулака широкоплечий верзила. Занял прежнее место за столиком и обиженно насупился. Лицо Крученого с каждым мгновением становилось все более и более озадаченным.

– Серьезная тема, – ответил он, когда Гюрза отстранилась и выжидательно заглянула в его глубоко посаженные глаза. – Смотри, погорим...

– Ерунда! – небрежно отмахнулась девушка. – О чем ты говоришь, милый? Забыл, кто у меня папа? Да я и сама не огурцом деланная.

– Это верно. Но... Черт! Засыплемся ведь...

Но она, казалось, и не расслышала его последней реплики.

– Я уже обо всем договорилась. Сегодня ночью стрелка. И вообще, Крученый, тебе бабло для Казантипа нужно? И мне, и всем нам... – Она обвела рукой присутствующих, для которых, по большому счету, обсуждаемая вслух тема так и оставалась загадкой. – На какие барыши мы поедем? Сам же знаешь, это тебе не до пивнухи «У Стаса» из Серпухова гонять. А тут реальное дело...

Крученый колебался. Оттягивая окончательный ответ, он хлебнул пива.

* * *

Опустошая одну банку пива за другой, байкеры стремительно пьянели. Добавленная к спиртному шмаль тоже сделала свое дело.

Молодой парнишка с угреватым лицом, жаловавшийся на отдельные несоответствия в байкерском прикиде с воцарившейся в Подмоскovie жарой, уже окончательно выбросил из головы данную тему и самозабвенно окунулся в противоборство с Варфоломеем, первым предложившим сыграть в «бочку». Суть этой излюбленной байкерами забавы заключалась в том, чтобы как можно дальше протолкать пустую пивную бочку передним колесом мотоцикла.

Сидя по правую руку от Крученого и не отставая от остальных по количеству выпитого пива, Гюрза иронично наблюдала за действиями соревнующихся.

– Детский сад! – громко заявила она, поднимаясь на ноги. – Вы развлекаетесь, как горшки, ребята. Честное слово. Ни остроты, ни воображения...

Варфоломей остановил мотоцикл.

– Как горшки, говоришь? – с вызовом бросил он. – Может, хочешь потягаться со мной? А, Гюрза?

– Детские забавы не для меня, – презрительно фыркнула девушка. – Смотрите, – ее рука взметнулась вверх, и она указала товарищам на переброшенное через реку бревно. – Ящик пива тому, кто сумеет проехать по нему на противоположный берег на повышенной передаче. Что скажешь, Варфоломей?

Парень повернул голову. Усмехнулся.

– Принимаю.

– Кто-нибудь еще? – подзадорила байкеров Гюрза.

Вызвались еще четверо, прельщенные дармовым ящиком пива. Варфоломей первым подкатил к берегу. Опустил на шлеме забрало. Мотоцикл натужно взревел, пробуксовывая на месте, а затем лихо рванул вперед. Байкер не смог достичь и середины бревна, когда стальной конь под ним завалился на бок и, увлекая за собой седока, плюхнулся в воду. Дружный смех был наградой Варфоломею за его комичные потуги. Четырех других мотоциклистов постигла та же участь. Только одному Балыку удалось преодолеть больше половины пути, прежде чем он оказался в воде, как и его предшественники. Зато остальные члены мотобанды повеселились от души. Шутки сыпались на неудачников со всех сторон.

– Дилетанты, – резюмировала Гюрза, опустошая очередную банку пива и сминая ее в руке.

– А ты сама-то сможешь исполнить такой трюк? – запальчиво бросил Варфоломей, чувствуя себя паскудно и неуютно в промокшей насквозь одежде.

– Как два пальца... об асфальт.

– Ха! Прдемонстрируй. На ящик пива...

Гюрза затушила сигарету и поднялась из-за столика. Все так же вызывающе покачивая при ходьбе ягодицами, она приблизилась к «Хонде» и оседлала ее. Надела на голову шлем. С глухим стуком упало забрало. Одиннадцать пар глаз внимательно следили за каждым ее движением.

– Можешь покупать пиво, Варфоломей. Я вернусь через минуту.

Легким, но уверенным движением руки Гюрза крутанула ручку газа. Переднее колесо оторвалось от земли, и байк встал на дыбы, как застоявшийся конь. Гюрза разогнала «Хонду» и с цирковой ловкостью перескочила по бревну на противоположный берег на одном колесе. Челюсть Варфоломея отвисла. Остальные тоже разинули рты. Гюрза развернулась и проделала тот же трюк еще раз, только теперь вернувшись по бревну в исходную точку.

– Потрясно! – Крученный разразился аплодисментами. – Даже я так не умею!

– Как насчет двух ящиков пива, Варфоломей? – Гюрза сняла с головы шлем.

Глава 4

– Прочтите, госпожа Понамарева, и, если все изложено верно, подпишите бумагу внизу.

Старший следователь районной прокуратуры Андрей Богославский протянул Лене шариковую ручку и развернул лист бумаги так, чтобы она могла прочесть написанное. При этом чисто машинально он не в первый раз уже отметил, насколько плачевно выглядит потерпевшая. Рука перебинтована, голова тоже, на лице характерные ссадины. Богославский невольно проникся чисто человеческим сочувствием к девушке, и в душе поднялась новая волна гнева, направленная против подонка, который совершил этот низкий поступок. Хорошо еще, что виновник задержан и водворен в камеру предварительного заключения. Андрей повернул голову вправо и обменялся многозначительными взглядами с сидящим в глубоком кресле у окна подполковником Щипачевым. Начальник местного РОВД был пузат, грузен, и его редкие волосы практически полностью окрасились сединой. А ведь Богославский знал, что Роман Данилович всего на десять лет старше его самого. То есть едва пересек пятидесятилетний рубеж.

Лена молча пробежала глазами по тексту, написанному Богославским от руки.

«Находясь на берегу озера, я подверглась... Приметы – мотоциклист на «Днепре» модели 8-157-022, в черной кожанке, таких же штанах... Лица не видела из-за опущенного забрала мотоциклетного шлема, однако сам шлем...»

Девушка подняла глаза на следователя, затем осторожно скосила их в сторону сидящей рядом с ней матери, затем на мрачного и молчаливого Томилина, присутствовавшего здесь же, в кабинете райотдела. Тренер Виктора до сих пор не произнес ни слова, хотя Лена знала, что он явился к Щипачеву с прошением. Плечи девушки поникли. У нее в голове не укладывалось, как такое вообще могло произойти. Что-то не так... Здесь явно какая-то ошибка. Они с Витей встречались уже второй год, и за все это время он не то что руку на нее ни разу не поднял, но и не сказал ни единого грубого слова в ее адрес. А тут вдруг такое... Зачем? Почему? Этого не могло быть. Это не Виктор. Он не мог. А одежда, шлем и мотоцикл... Все это не более чем случайное совпадение.

Но у сотрудников правоохранительных органов уже сложилось совершенно иное мнение на этот счет. Виновен!

– Что-то не так? – участливо спросил Богославский.

– Нет... Все верно...

Каждое слово давалось Лене с большим трудом. Она будто насильно выдавливала их из себя. Сказывались и растерянность, и далеко не лучшее физическое самочувствие.

– Тогда напишите внизу: «Мною прочитано и с моих слов записано верно», – посоветовал Богославский. – А также число и подпись.

Лена не торопилась следовать его указаниям.

– Послушайте, – отважилась-таки она. – Может, лучше это не вносить... Мало ли...

– Но вы же так сказали, – Богославский склонил голову набок. – Так пусть остается.

– Андрей Сергеевич, я не верю, что это сделал Виктор. Это какое-то недоразумение. А приметы... Таких множество.

– Я так не думаю, – откашлявшись, вмешался в их диалог Щипачев. – Все сошлось просто идеально, Елена... Александровна. – Подполковник пристроил во рту сигарету, тяжело поднялся с кресла и приблизился к столу, по разные стороны от которого размещались Богославский и Лена. Взял в руки лист с показаниями потерпевшей. Пожевал фильтр неприкуренной сигареты. – И вы напрасно думаете, что таких примет множество. Может, в большом городе это и было бы именно так, но только не у нас. Вы же не думаете, что мы не провели никаких проверок? Шлем с такими приметами в Серпухове принадлежит одному-единственному чело-

веку. И этот человек – Виктор Громов. К приметам также можно добавить и еще кое-что. Полное отсутствие алиби у Громова. Вчера вечером его не видел никто, и, соответственно, никто не может подтвердить того факта, что на берегу Оки с вами... эээ... встречался не он...

– Но зачем? – Лена едва не плакала. – Если вы, как утверждаете, проверили все, то скажите мне ради бога, зачем он это сделал. Мы не ссорились, у нас не было в последнее время даже ни одного мелкого конфликта. Должен же существовать какой-то мотив?

Теперь она полностью апеллировала к подполковнику Щипачеву, выпустив из поля зрения Богославского. Роман Данилович вынул изо рта сигарету и снова откашлялся.

– Мотив всегда есть, – со знанием дела произнес он, щелкая зажигалкой и подпаливая кончик сигареты. – Его не может не быть. Если только, конечно, преступник не полный психопат...

– Вот именно, – неожиданно визгливо вскрикнула мать Лены, полная рыжеволосая женщина с двойным подбородком. – А он и есть полный психопат. Неужели, кроме меня, этого до сих пор никто не понял?

– Мама! – одернула ее Лена.

Богославский и Щипачев одновременно повернули головы к визгливой особе.

– А что мама? Разве я не права? Я всегда говорила, что только сумасшедший может найти к двадцати с лишним годам увлекательным гоняться на мотоцикле за дурацким мячиком, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным.

– Витя учится!

– Другие в его возрасте и учатся, и еще на двух работах работают! А он, кроме своего дурацкого мотоцикла, ничего не видит! Придурок, самый настоящий!

– Я бы вас попросил... – вмешался Томилин, но женщина будто и не слышала его.

– А что, я не права? Говорю же – люди в это время уже работают, на ноги становятся. Думают о семье, о будущем... А здесь что? Полная деградация личности. Да и была ли, вообще, эта личность? Избить палкой девушку...

– Мама! – вновь воскликнула Лена, а затем резко и уже куда более уверенно, чем прежде, обратилась к Богославскому: – А я могу забрать заявление обратно?

– Ты с ума сошла?! – Мать всплеснула руками. – Хочешь, чтобы он еще раз избил тебя? Мало показалось?

– Я уверена, что он этого не делал, – твердо сказала Лена. – Витя не мог. Мы с ним и не ссорились-то ни разу!

– А кто делал? Его двойник? Ты совсем ополоумела, Ленка! Милиция никогда не ошибается, и если тебе говорят, что вина доказана...

– Успокойтесь, Тамара Николаевна, – мягко осадил разбушевавшуюся фурию Щипачев. Он присел на краешек стола и поставил пепельницу себе на колено. – Ваша дочь ни в чем не виновата. И ее чувства тоже можно понять. Любовь, молодость...

– Так я могу забрать заявление? – упрямо повторила свой вопрос Лена.

Богославский тяжело вздохнул. Будучи человеком некурящим, он раздраженно разогнал рукой дым от чадившей сигареты Щипачева и откинулся на спинку стула. Дело, которое, по его твердому убеждению, уже смело можно считать закрытым, отнимало теперь столько эмоциональной энергии и сил, что Андрей чувствовал себя окончательно измотанным.

– Боюсь, что нет, госпожа Понамарева. – Богославский скрестил руки на груди. – Вот если бы вас, прошу прощения, изнасиловали, – негромко и тактично произнес он. – Тогда да. Тогда вы могли бы отозвать заявление. Изнасилование относится к обвинениям частного характера. А здесь же у нас совершенно иная картина. Преступление, совершенное общеопасным способом... Бейсбольная бита может быть квалифицирована как холодное оружие. И... В общем, вы должны понять, что от вашего желания или нежелания теперь уже ничего не зависит. Громов отправится под суд. Как потенциально опасный преступник.

– Слава тебе, господи! – торжественно провозгласила Тамара Николаевна и зачем-то перекрестилась.

– Вы так говорите, словно расследование уже завершено, – впервые за все время своего присутствия в кабинете начальника РОВД вполне осмысленно подал голос Томилин.

– Фактически, Игорь Васильевич. – Следователь покачал курчавой головой. – Фактически завершено. Остались только тонкости. Нюансы, так сказать. Бумажная рутинная работа.

Тренера мотобольной команды «Дьяволы Локки» в Серпухове прекрасно знали, и Богославский не являлся исключением из правил.

– Ясно, – спокойно парировал Томилин. – Но дело в том, что... Не поймите меня неправильно, Андрей Степанович. Я не знаю всех тонкостей вашей работы и разбираюсь в этом, прямо скажем, слабо. Меня волнует другое... Я считаю, что еще неизвестно, как там все обернется в итоге, а у нас тренировки, сборы... Мы метим в четвертьфинал. Понимаете? И я лишь хотел узнать, так ли уж необходимо Громову находиться в ИВС, пока дело не дошло до суда. Открытого обвинения, насколько мне известно, еще не выдвинуто...

– Это вопрос времени, Игорь Васильевич. Не сегодня так завтра его обязательно выдвнут.

– Возможно, – не стал спорить со следователем Томилин. – Но пока... Пока можно было бы ограничиться мерой пресечения в виде подписки о невыезде. Войдите в мое положение. – Он переводил взгляд с Богославского на Щипачева и обратно. – Громов никуда не денется. Заверяю вас. Пока еще идет расследование, его реально выпустить на свободу? Под мою личную ответственность?

Тамара Николаевна гневно обернулась в его сторону, но ничего не сказала. В глазах Лены вспыхнула надежда. Богославский и Щипачев переглянулись. Авторитет Томилина в Серпухове был достаточно высок, и не доверять ему у сотрудников правопорядка оснований не было. Однако Андрей продолжал колебаться.

– А если за это время он еще кого-нибудь изобьет? – спросил он, сводя брови к переносице. – Или того хуже. Мало ли, что может произойти...

– Ничего такого не произойдет, – ответил Томилин. – Уверяю вас.

Начальник РОВД и следователь вновь обменялись многозначительными взглядами, и подполковник едва заметно кивнул.

– Хорошо, – подвел черту под дискуссией Богославский. – Если вы за него ручаетесь, Игорь Васильевич?..

– Ручаюсь.

– Мы можем пока отпустить его из-под ареста, взяв подписку...

– Как же так? – не выдержала-таки Тамара Николаевна.

Ее двойной подбородок нервно затрясся, она хотела добавить еще что-то, но не успела. На столе зазвонил телефон, и Богославский машинально снял трубку с аппарата. Щипачев перехватил его руку.

– Это все-таки мой кабинет, Андрей, – напомнил он с улыбкой.

– Да... Извините. Я чисто автоматически. – Богославский передал трубку подполковнику.

Щипачев спрыгнул со стола и ткнул окуроч в пепельницу. Приложил телефонную трубку к левому уху.

– Да? Я слушаю... Что? – Лицо подполковника изменилось. Казалось, напрягся каждый мускул. – Когда, говоришь?.. Хорошо. Я понял. Мы их накроем...

Трубка вернулась на рычаги старенького допотопного аппарата.

Глава 5

Приземистый черный «Триумф» Крученого практически бесшумно на малой скорости выкатился из зарослей кустарника и по небольшому пологому склону спустился к берегу. Крученный погасил фару байка, и его крупногабаритная фигура вместе с фигурой сидящей на багажнике «Триумфа» позади него Гюрзой погрузились во мрак. Только серповидная половинка луны на темном небе освещала теперь заброшенную строительную площадку, на которой египетскими пирамидами высились громадные конусы песка.

Гюрза первой прыгнула на землю. Крученный не торопился покидать сидалище «Триумфа». Он настороженно огляделся по сторонам, замер, прислушался. С того момента, как городок и его окрестности погрузились в вечерние сумерки, Сибэгатурина не оставляло чувство незримой опасности. Он всегда слыл человеком предусмотрительным и осторожным.

Сунув в рот сигарету, Крученный закурил, с неудовольствием отметив, что у него слегка подрагивают кончики пальцев. Благо, что Гюрза не могла этого видеть, иначе в силу своего характера непременно подняла бы бойфренда на смех. Крученный поспешил взять себя в руки.

Гюрза прошла на несколько шагов вперед и остановилась у одной из высоких насыпей. Ее пронзительный взгляд, способный, казалось, так же превосходно видеть во мраке, как и при дневном свете, невольно фиксировал в памяти каждую мелочь. Застывший на воде старый ржавый земснаряд, ленты транспортеров, при помощи которых строители добывали песок со дна реки, котлован с торчащими сваями, мертвая бетонная коробка в отдалении, ржавая техника, трухлявые строительные вагончики... Стройка выглядела как миниатюрный город, в спешке покинутый аборигенами по неизвестным причинам. Присутствия кого-то еще, кроме них с Крученым, на пустынном берегу Оки девушка не обнаружила. Если человек, с которым она договорилась о стрелке по телефону, и присутствовал где-то неподалеку, то он никоим образом не торопился себя обнаруживать. Луна отражалась в неподвижной глади реки.

Гюрза до половины расстегнула куртку и обернулась на оставшегося позади Крученого. Огонек его сигареты мерцал во мраке.

– Ты собрался уезжать? – В голосе девушке звучало привычное ехидство.

– Нет, – откликнулся Крученный. – С чего ты взяла?

– А чего ты сидишь тогда, как пенек? Приклеился, что ли? Или ты думаешь, что мне одной больше всех надо? А ты вроде как и не при делах...

– Не пыли. – Он неохотно слез с мотоцикла. – Я просто перекуривал. Никого же еще нет.

– А никто и не появится. – Гюрза заложила руки в карманы. – Ты же не ожидал, Крученный, что они будут встречать нас тут с оркестром?

– Нет, такого я не ожидал...

– Надо позвонить. – Девушка сняла с пояса мобильный телефон.

– Так чего же ты тянешь? – недовольно огрызнулся Крученный, желая отыгаться за нападки в его адрес. – Мы же не будем здесь ночевать. Давай сделаем дело – и валим отсюда.

– Дай мне тоже сигарету.

Он протянул ей раскрытую пачку, но Гюрза, вместо того чтобы ограничиться одной сигаретой, забрала ее целиком. Только после этого выудила сигарету и вставила ее в рот. Прикурила. Пачку сунула в карман собственной кожанки. Крученный не стал возражать.

– Звонить будешь? – только и спросил он.

– Уже звоню. Расслабься.

Указательный палец Гюрзы защелкал по светящимся кнопкам компактного телефона. Вызываемый абонент ответил после первого длинного гудка.

– Да? Это ты? – Голос звучал с кавказским акцентом, но Гюрза с ходу определила, насколько он был нарочитым и неестественным. Так только в КВНе говорят, когда пытаются изобразить «лицо кавказской национальности». Собеседник явно переигрывал.

– Да, я. Мы приехали... Как договаривались.

– Хорошо. Очень хорошо. Приятно иметь дело с пунктуальными людьми. Видишь бетономешалку?

Гюрза повела глазами по сторонам и заметила то, о чем говорил оппонент, рядом с бетонной коробкой.

– Вижу.

– Подойди к ней и достань из-под куска бетона коробку из-под обуви.

Девушка сухо усмехнулась. Человек, с которым она разговаривала, кем бы он ни был, предпочитал до конца играть роль великого конспиратора. Гюрза не могла понять и оправдать для себя подобного поведения. К чему все эти дикие и неоправданные шифровки? Шпионские игры какие-то идиотские получаются.

– Хорошо, – ответила она и подала Крученому знак рукой, чтобы он следовал за ней.

Сибгатурин был вынужден повиноваться, хотя ему явно было не по себе. В отличие от Гюрзы Крученый отчаянно трусил. Он очень старался этого не показывать, но все равно было заметно. Они вместе дошли до заветной бетономешалки. Гюрза не убирала мобильный телефон, продолжая слушать инструкции оппонента. Молча указала Крученому на относительно весомый кусок бетона. Байкер присел на корточки, подцепил его пальцами и с трудом сдвинул в сторону. На лбу выступила испарина, и Крученый отер ее тыльной стороной ладони, сместив свою немецкую каску немного на затылок. Коробка действительно оказалась на месте. Гюрза подняла ее и сбросила картонную крышку. На дне лежал небольшой полиэтиленовый пакет. Она взяла его и тут же спрятала под курткой.

– Порядок, – произнесла в трубку. – Что дальше?

– А теперь посмотри направо... Видишь транспортер?

Гюрза повернула голову в нужном направлении. Транспортер для доставки песка от штабеля к бетономешалке располагался всего в трех метрах от нее.

– Ну?

– Клади туда деньги... – В голосе невидимого собеседника появилось напряжение. – Только прежде чем положить их в сумку, поднимай над головой по одной купюре. И не спрашивай, зачем...

– Как скажешь.

Невысокого роста мужчина лет тридцати пяти с черными как смоль волосами и смуглым азиатского типа лицом, расположившись на крыше недостроенного дома, внимательно наблюдал в портативный прибор ночного видения за тем, как Гюрза послушно поднимает деньги по одной купюре у себя над головой, а затем кладет их в сумку. Весь процесс занял по меньшей мере минут десять, но мужчина предпочитал не спешить и не торопить девушку вниз. Он прервал связь, убедившись в том, что его инструкции приняты к сведению, вынул из своего мобильного сим-карту и выбросил ее в темный оконный проем. Убрал аппарат в карман спортивной олимпийки.

Наконец последняя купюра оказалась в сумке, и Гюрза поставила ее на транспортер. Отступила на два шага назад. Крученый топтался рядом, беспокойно оглядываясь назад, туда, где без надлежащего присмотра остался дорогой его сердцу «Триумф».

Мужчина нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и транспортер с тихим урчанием пришел в действие. Заветная сумка поползла вверх. Но тут неожиданно лента транспортера конвульсивно дернулась и замерла, позволив деньгам преодолеть лишь половину намеченного пути. Палец мужчины надавил на кнопку еще раз. Затем еще... Но ничего не менялось. Транспортер не приходил в движение. Механизм заклинило. Мужчина негромко выругался

на родном языке. Ни ему со своей позиции на крыше, ни стоящим у основания транспортера Гюрзе и Крученому не было видно вставленного кем-то между валиками металлического лома.

Мужчина на крыше лихорадочно искал выход из сложившейся тупиковой ситуации, когда его слух отчетливо уловил снизу странный шум. Он нервно дернулся и заскрежетал зубами, когда вдруг до него дошло происхождение шума.

В ту же секунду все стало понятным и Гюрзе. Она резко дернула Крученого за руку. Тот едва устоял на ногах.

– К мотоциклу! Быстро!

– Какого хрена? – Сибигатурин испуганно замотал из стороны в сторону своей огромной головой. – Что?..

– Менты! Сваливаем, Крученый! Да шевелись же!

Паники не было ни в голосе, ни в поведении Гюрзы. Только холодная расчетливость и привычка принимать быстрые верные решения в непростой ситуации. Без суеты, без нервозности. Крученый мог бы только позавидовать такому олимпийскому спокойствию и внутренней выдержке поделницы. Повинуясь отданному Гюрзой недвусмысленному приказу, байкер метнулся к своему «Триумфу» в тот же момент, когда тишину заброшенной стройки прорезал звук милицейской сирены и загорелась лампа-искатель, выхватив из темноты большую часть пространства. Гюрза кувыркнулась через голову, уходя из светового пятна. Крученый споткнулся на ровном месте и плашмя растянулся на песке лицом вниз. Отчаянно оттолкнулся руками, вновь поднимаясь на ноги.

– Всем лежать! – Зычная команда старшего группы захвата раскатистым эхом пронеслась над побережьем. – Лицом вниз! Руки за голову, суки! Это – ОМОН!

Для пущей убедительности то ли он сам, то ли кто-то из его подчиненных несколько раз для острастки выстрелил в воздух. На стенах недостроенных сооружений замелькали чудовищные тени автоматчиков. Оцепление стягивалось со всех сторон. Ни Гюрзе, ни даже Крученому не нужно было обладать повышенной долей смекалки, чтобы понять, в каком положении они оказались. ОМОН занял круговую позицию, замкнув место событий в кольцо.

Выстрелы и характерное клацанье автоматных затворов не только не остановили Крученого, но напротив – заставили его собрать остатки всех своих сил и с диким рычанием смертельно раненного зверя рвануть вперед.

– Стоять! – ударил в спину Сибигатурину очередной жесткий окрик. Воздух снова прорезала очередь – омовцы стреляли по-прежнему поверх голов, но уже существенно ниже.

В лицо ударил луч света, на пару секунд ослепив байкера, но он тут же проворно нырнул вниз и запетлял, как заяц. Гюрза уже прыгнула в седло «Триумфа» и двумя руками ухватила за изогнутый коромыслом руль. Шлем уже был у нее на голове, забрало упало со лба и скрыло лицо девушки. Взревел двигатель.

– Подожди!.. Черт! Подожди!

Рыжая борода Крученого развевалась на ветру. Он сделал завершающий стремительный прыжок вперед, ухватился пальцами за багажник байка и в последнюю секунду успел прилечь за спиной боевой подруги. По щекам мужчины струился пот, он тяжело дышал. Нервно оглянулся через плечо и увидел, как в темноте запульсировало желто-красное пламя. Несколько пуль ударили в землю буквально в паре сантиметров от колес байка.

– Я сказал стоять, суки! Стоять, бля!

Продолжавший работать все это время заклиненный транспортер еще несколько раз дернулся, и лом, всунутый между валиками, все же не выдержал толчков механизма и вывалился на песок. Лента транспортера вновь пришла в движение, и сумка с деньгами, как и было задумано изначально, продолжила свое восхождение. Гюрза бросила короткий взгляд в сторону ожившего механизма.

– Ты собиралась бросить меня, мать твою! – Голос Крученого сорвался на фальцет. Он почти уткнулся носом в спину девушки. – Какого хрена, вообще, здесь происходит. Ты же говорила?..

– Заткнись! – жестко оборвала его Гюрза. – Не мешай!

Несколько крепких, облаченных в камуфляжную форму омовцев с автоматами напавшие уже неслись в их сторону, на ходу перескакивая через выбоины. Старший группы слегка отстал. Его внимание тоже привлек заработавший транспортер и ускользящая по нему холщовая спортивная сумка с деньгами. Гюрза уверенно отжала сцепление, не испытывая колебаний по поводу мгновенно принятого ею решения, и вместо того чтобы отправить приземистый маневренный байк в прорыв между ментами, она развернула его на месте, набрала скорость и взлетела на движущуюся ленту транспортера.

– Стой, бя! – в очередной раз проорал омовец.

Он добавил к этому еще что-то, но ни Гюрза, ни сидящий позади нее Крученый не смогли расслышать слов в общем шуме. Скорее всего, старший отдал команду ударить шквальным огнем на поражение. Застрекотали автоматы, выплевывая пули в направлении летящего вверх по транспортеру черного байка. Крученый втянул голову в плечи. Поза Гюрзы не изменилась, хотя одна из пуль по касательной чиркнула по ее блестящему байкерскому шлему.

«Триумф» поравнялся с деньгами, девушка слегка наклонилась и, практически не сбавляя скорости, подхватила с ленты заветную сумку. Мотоцикл пронесся по транспортеру до самой его верхней точки, взмыл с него, как профессиональный лыжник с трамплина и, вращая колесами, перелетел через оцепление. Автоматные очереди не смолкали ни на секунду, сопровождаемые отборной матерной бранью. Голос старшего группы гремел громче остальных.

Байк мягко, как кошка, приземлился на ровную поверхность и, искусно маневрируя между песчаными пирамидами, котлованом и брошенной техникой, устремился в сторону темных густых лесопосадок. Пули уже не достигали его.

– Догнать!

Пятеро бойцов прыгнули в компактный микроавтобус. Старший группы майор Платонов, среднего роста крепкий мужчина с волевым обветренным лицом, решительно зашагал к стоящей чуть в отдалении «десятке». Дверца открылась, и навстречу майору вышел подполковник Щипачев в стального оттенка строгом костюме. Выражение лица Щипачева было мрачным и сосредоточенным. Он смотрел вслед устремившемуся в погоню микроавтобусу. Байк с двумя седоками уже скрылся из виду.

– Бесполезно, майор... – В голосе Щипачева звучала неприкрытая досада.

Мужчина на крыше опустил бинокль. Пока ему удалось не привлечь внимания к своей персоне со стороны нагрянувших ментов. Но это было слабым утешением. Нахальная девица прихватила с собой не только товар, но и деньги за него. И в итоге выходило, что его просто-напросто кинули. Сделку можно было считать провалившейся, а за такие расклады по головке его, естественно, не погладят. Приложив к глазам прибор ночного видения, мужчина не больше минуты внимательно приглядывался к стоящим возле светлой «десятки» Щипачеву и Платонову, затем убрал прибор в сумку на поясе. Не воспользоваться возникшим внизу замешательством, вызванным действиями отчаянной девицы, было бы по меньшей мере неразумно. Мужчина подхватил с пола согнутую коленом стальную трубу, набросил ее на трос подъемника стройматериалов и, не теряя драгоценного времени, съехал по нему прямо на палубу поджидавшего его приземления земснаряда.

Звук заводимого двигателя со стороны реки заставил Платонова обернуться. На речной простор вылетела моторка и мгновенно растворилась в тумане. Щипачев только хмыкнул.

– Отлично, майор. Поздравляю. Мы упустили всех, кого только возможно было упустить. И ту и другую сторону. Как по-вашему? Это называется блестяще проведенной операцией?

Платонов проигнорировал сарказм собеседника.

– У нас было слишком мало времени на подготовку, – буркнул он. – Когда вы позволили...

– То есть это я во всем виноват? – Щипачев уже не скрывал раздражения. – А вы и ваши парни – невинные жертвы обстоятельств? Все верно?

– Ну, зачем вы так, Роман Данилович? – Майор пошел на попятную. – Никто никого ни в чем не обвиняет. Вы и сами не хуже меня знаете, что в нашей работе... Ну... Случаются, так сказать, определенные накладки... Предвидеть все невозможно.

Щипачев ничего не ответил. Вступать с собеседником в ненужную и бесполезную полемику казалось ему сейчас занятием, мягко говоря, совершенно бесперспективным. Что толку? От переливания из пустого в порожнее и выяснения, кто и где допустил в операции фатальную ошибку, ситуация не изменится.

Трое широкоплечих омоновцев, не принявших участия в погоне на микроавтобусе, с опущенными дулом вниз автоматами переминались с ноги на ногу и ожидали приказов от своего непосредственного шефа. Платонов перевел взгляд на стелющийся над рекой туман.

– Водного транспорта у нас нет, – сказал он. – Это тоже серьезный просчет. Но тех двоих на мотоцикле еще можно догнать... – Его словам недоставало необходимой уверенности. – Черт! Лихие оказались ребята, Роман Данилович. И мне показалось, что это была девушка. До того, как она надела шлем. За рулем байка...

Щипачев прищурился.

– Девушка? Вы уверены?

– Нет. Честно говоря, нет. Не уверен. Но мне так показалось...

– Запомнили ее внешность? Описать сможете? – Подполковник хватался за соломинку.

Платонов покачал головой.

– Было слишком темно, а она, если это была «она»...

– Тогда какого дьявола вы решили, что это девка? – взорвался Щипачев. – Интуиция, майор?

– Ну, не совсем... Движения, пластика...

Щипачев отмахнулся от собеседника, как от назойливой мухи. Затем и вовсе повернулся к нему спиной и потянул на себя ручку передней дверцы «десятки». Однако забираться обратно в салон подполковник не торопился.

– Мы уже почти полгода гоняемся за призраками, майор, – чеканя каждое слово, произнес он, облокотившись на раскрытую дверцу и обращаясь скорее к самому себе, чем к стоящему позади Платонову. – Я получил наколку на этот канал в январе. И с тех пор никаких сдвигов. Что скажут в Москве?

Платонов молчал.

– Не знаете? Так я скажу вам, – продолжил Щипачев, повышая голос. – Ни хрена они не скажут. Они просто возьмут и натянут мне глаз на жопу, если я не перекрою этот героиновый канал. На подобный исход мне уже намекали пару недель назад. И никто не станет брать в расчет ни ваших непредвиденных обстоятельств, ни изречений о движении и пластике... Все это вилами на воде писано.

– Так, может, проще было бы спихнуть это дело на УБНОН, – внес радикальное предложение Платонов. – Это их епархия, пусть сами и разгребаются. Я до сих пор не могу взять в толк, на фига вам понадобилась эта лишняя головная боль. Логичнее было...

– Нет! – сурово отрезал Щипачев и развернулся к майору лицом.

Сейчас перед Платоновым стоял уже не раздавленной неудачей начальник Серпуховского РОВД, а опытный матерый оперативник, на счету которого имелась не одна блестяще проведенная разработка. Таким Щипачева помнили те, кто начинал с ним работать еще в молодости. Про такого и ходили в Подмоскovie различные легенды, одна другой краше. И переубедить

в чем-либо такого человека не представлялось возможным. Платонов и пытаться больше не стал, благоразумно прикусив язык.

– Это мое дело! Это моя оперативная разработка! – запальчиво продолжил подполковник, хотя никому уже ничего не требовалось доказывать. – За всю свою жизнь я никогда не пасовал перед трудностями. Не спасую и сейчас. Мы накроем их.

Подполковник захлопнул дверцу, так и не сев на переднее сиденье автомобиля. Обогнув крепкую фигуру Платонова, он двинулся к транспортеру. Майор молча смотрел ему вслед. В правом верхнем кармане комбинезона ожила рация. Майор достал ее и нажал кнопку связи.

– Слушаю!

– Мы упустили их, товарищ майор.

Платонов скрипнул зубами.

– Возвращайтесь...

Глава 6

– Кажется, оторвались.

Гюрза свернула с тропинки, и байк выкатился на шоссе. Огни придорожного мотеля мерцали на расстоянии не более километра. Девушка остановилась и сдернула с головы шлем. Обернулась в противоположную сторону. Преследователей не было видно. Здравый смысл подсказывал Гюрзе, что в первую очередь менты начнут прочесывать родной район. А потом уже сунутся сюда. Но когда это произойдет... Их здесь уже не будет.

Фара «Триумфа» погасла. Гюрза спешила. Вслед за ней спрыгнул на асфальт и Крученый. Лунный свет отражался в его поблескивающих «консервах».

– Дерьмо, дерьмо, дерьмо! – с чувством выпалил он, давая выход накопившимся эмоциям. – Мы по уши вляпались. О чем я только думал, когда подписался идти с тобой на это дело?

– Успокойся, – поморщилась Гюрза. – Все уже позади. Мы живы, здоровы. Ушли с наваром. Все в ажуре. Чего тебя не устраивает?

– Это менты, милая. – Крученый поднял очки на лоб. – Ты знаешь, я мало кого и чего боюсь. Но менты... ОМОН... С этими ребятами шутки плохи. И лучше лишний раз обходить их стороной.

– Нас никто не видел. Перчатки ты не снимал?

– Нет, конечно. Что я – дурак?

– Ну и все. Нечего тогда волну поднимать. Никаких улик против нас нет. Давай мне номер. – Она присела на корточки позади «Триумфа» и вытянула руку.

Крученый достал из багажника родные номерные знаки и передал их Гюрзе. Сунул в рот сигарету.

– Зачем ты деньги увела? Надо же по-«чесноку» было в этом вопросе. Мы ведь «герыч» за бабло покупали...

– Деньги – вещдок, – нравоучительно откликнулась девушка. Она уже сноровисто прикручивала номер, не глядя на Крученого. – Этого хрена-дилера, думаю, забрали. Так на кой черт, скажи, тогда ментам бабки оставлять? А нам они не помешают. Путь-то предстоит неблизкий.

– Какая ты грамотная! – язвительно откликнулся Крученый. Не желая топтаться без дела, он вынул все из того же багажника тряпочку и принялся протирать корпус «Триумфа». – Надо сваливать побыстрей!

– Свалим, свалим. Хватит уже хипишевать. Бабло есть, а с ним и свалить можно куда угодно. Ты как с нашими договорился?

– Они все подрулят на рассвете. К мотелю. И сразу двинемся на Казантип. В Крым...

– Отлично.

Гюрза закончила манипуляции с номером и разогнулась. Неожиданно для Крученого девушка громко расхохоталась.

– Ты чего? – Байкер замер. – ...Гуси улетели?

– Отец был там. – Гюрза облокотилась на руль. – Я успела разглядеть его. Он сидел в «десятке». И сейчас представила, что бы было, если бы он меня узнал. Дочь подполковника Щипачева участвует в наркосделках! Его бы инфаркт трахнул.

Крученый расплылся в улыбке. Нервозность оставила его, и он вновь становился самим собой. Наглым, беспринципным, циничным.

– Думаю, раньше он бы убил тебя.

– Кишка тонка, – презрительно фыркнула девушка. – Папик уже не тот, что прежде. Поверь мне.

– Верю. – Мысли Крученого уже закрутились в ином направлении. – Может, опробуем сегодня сами товар? А? Что скажешь?

– Не, я колоться не буду. Ты как хочешь, конечно, но лучше тоже повремени...

Оставшееся расстояние до мотеля они катили мотоцикл с заглушенным двигателем, не желая привлекать к своим персонам повышенного внимания с чьей-либо стороны. Крученный потягивал пиво из банки. Гюрза предпочла отказаться.

– Кстати, а с чего ты решила, что дилера повязали? – спросил Крученный, когда они оказались уже рядом с мотелем. – Даже мы его не видели.

– Я просто предположила. Надо всегда рассматривать самый худший из вариантов. Ушел – хорошо, а нет...

– Думаю, если ушел, то теперь тоже на нас зуб точит. Хрустов-то он за свой товар не получил.

– Ну и хрен с ним!

– Согласен. Каждый живет, как у него получается.

Пиво окончательно подняло Крученому настроение. Мысленно он уже представлял себя несущимся на «Триумфе» в сторону украинской границы в компании себе подобных. И Гюрза будет рядом. В этом году поездка на Казантип по всем представлениям обещала быть уникальной. Да здравствует веселье! Да здравствует полный отрыв!

В окне их номера горел свет. Гюрза намеренно оставила его включенным, полагая, что так никому и не придет в голову, что парочка покидала пределы мотеля. В глубине души Крученный искренне восхищался выдержкой и хладнокровием подруги. В свои двадцать с хвостиком лет Гюрза вела себя так, будто вылазки, подобные сегодняшней, давно уже являлись неотъемлемой частью ее жизни. Нечто совершенно обыденное и привычное.

Припарковав байк, парочка проникла внутрь мотеля с черного хода, поднялась на второй этаж, и Гюрза отперла дверь номера ключом. Повесила шлем на ближайший стул, расстегнула куртку. Крученный снял каску и очки. Глаза его победоносно горели. Он смял пустую банку из-под пива и бросил ее в корзину для мусора. Достал из кармана кожанки новую, но Гюрза проворно отобрала ее. Сдернула кольцо и сама приложила губами к жестянке. Черная облегающая майка натянулась на девичьем теле, и высокая грудь Гюрзы, казалось, готова была пронзить ткань острыми торчащими сосками. Крученный мгновенно возбуждился и похотливо облизал губы. Низ живота налился теплом и приятной тяжестью.

– За наш успех! – Девушка отсалютовала Крученому наполовину опустошенной банкой. – Возьми себе тоже в холодильнике, и отметим.

Сибигатурин ощерил желтые от никотина зубы.

– У меня есть предложение получше, – сказал он, и Гюрза заметила, как голос его заметно охрип.

– Да? И какое же? – Она озорно стрельнула выразительными глазками.

– Я хочу тебя!

– Звучит неплохо...

Она играла с Крученым, заманивала его, дразнила. Так она поступала всегда. Но сегодня мужчине было не до прелюдий. Сказалась выброшенная в кровь непредвиденная порция адреналина. Без лишних слов он приблизился к Гюрзе вплотную и сорвал с нее куртку. Швырнул на диван. Она сделала еще глоток и отставила баночку в сторону. Запустила пальцы ему в волосы. Дрожащими от возбуждения пальцами Крученный уже расстегивал ремень на брюках. Через секунду его готовый к схватке агрегат уже вырвался на свободу. Гюрза ласково пробежала пальчиками по его возбужденной плоти. В предвкушении грядущего действия закусила нижнюю губу.

Крученный резко развернул ее к себе спиной, наклонил, задрал девушке юбку и стащил по стройным соблазнительным ногам красные ажурные трусики. Гюрза протяжно застонала,

когда он резко и напористо вошел в нее. Ладони мужчины скользнули ей под майку и плотно обхватили колышущиеся на весу груди...

Глава 7

Легкий вечерний ветерок покачивал на воде одинокие рыбацкие лодки, которыми в последнее время редко кто пользовался, несмотря на располагающую к рыбной ловле погоду. Любителей этого культурного вида отдыха с каждым годом в Серпухове оставалось все меньше и меньше. На промысел выходили только старики, да и то не так часто, как им того хотелось бы. А у молодежи хватало и своих собственных развлечений.

Томилин выкатил из гаража, где хранилась вся необходимая мотоболистам из команды «Дьяволы Локки» амуниция, свой мотоцикл и остановился неподалеку от рыбацкой заводи. Падающий под косым углом лунный свет делал и без того бледное от природы лицо похожим на застывшую маску мертвеца.

Звук хрустнувшей под чьей-то ногой ветки заставил Томилина вздрогнуть от неожиданности и повернуть голову. Из-за ветхого старенького строения вывернули двое и неторопливой поступью направились к стоящему почти у самой кромки воды Томилину. Даже при тусклом лунном свете характерные черты лиц, отдельные элементы одежды, манера держаться выдавали в этой парочке коренных жителей солнечного Узбекистана. Но Игорь Васильевич и не нуждался в изучении таких тонких нюансов. Он и так сразу узнал тех, кто пожаловал к нему со столь поздним визитом. И знал, что данный визит не несет ему ничего хорошего. Мышцы под легкой майкой-борцовкой напряглись, нервы натянулись, как тугие канаты. Лицо превратилось в каменное изваяние.

– Здравствуй, Игорек, – с неестественной змеиной улыбкой обратился к Томилину один из узбеков.

Они были похожи друг на друга как близнецы, и Томилин различал их только в процессе общения. Тот, который и заговорил с ним первым, всегда был словоохотлив и не в меру эмоционален. Хотя не сложно было догадаться о том, что все эти эмоции были не более чем запланированной игрой. Второй, напротив, придерживался роли сдержанного и молчаливого наблюдателя. Даже если ему и доводилось подключаться к беседе, то это непременно бывали резкие отрывистые фразы, полные надменности и чувства превосходства.

– Привет, мужики. – Томилин заложил руки в задние карманы джинсов.

Узбеки никогда не обменивались с ним при встрече рукопожатием, и Игорь Васильевич успел к этому привыкнуть.

– Ты, наверное, не ждал, что мы сегодня приедем? Скажи честно. Не ожидал? Да?

– Ну, вообще-то...

– Понимаю-понимаю. – Словоохотливый узбек обошел вокруг Томилина и остановился возле его мотоцикла. Игорь Васильевич при этом почему-то никак не мог оторвать глаз от хмурого лица второго визитера. – И вижу, что не ждал, Игорек. Решил, наверное, что мы и думать о тебе забыли... Кто такой Игорек? А? Да пес его знает... Только не так все, дорогой. Не забыли мы про тебя. Помним. И ты про нас помнить должен. Потому и наведались... А у тебя тут уютно. Красоты природы, свежий воздух. Речушка с рыбацкими лодками. Ты сам-то не рыбак, Игорек?

Томилин наконец развернулся лицом к говорившему, но упорно чувствовал затылком прожигающий взгляд второго. Беседу о рыбалке он откровенно проигнорировал.

– Поверьте, я тоже помню о вас... – с трудом произнес он, сам себя ненавидя за тот заискивающий тон, который невольно угадывался в его голосе. И какого черта он лебезит перед этими чебуреками? – И если я дал слово, то я его сдержу. Нечего во мне сомневаться.

– Да мы и не сомневаемся, Игорек. – Узбек вел себя так, словно после каждой произнесенной фразы он готов был заключить Томилина в дружеские объятия, ободряюще похлопать его по плечу или по спине. Дескать, мы же все свои люди. Друзья. – Только и ты нас понять

должен. Мы не можем ждать бесконечно. Это же бизнес. Допускаю, что ты, как человек сугубо спортивный, далек от подобных понятий...

– Я сделаю все, что...

– Когда? – Вопрос прозвучал как выстрел.

– Когда? – машинально переспросил Томилин и тут же не нашел ничего лучше, как неуверенно начать оправдываться. – Ну, вы же знаете, что все не так просто... Произошла накладка. И требуется время для ее решения...

Второй узбек прошел вперед и остановился, глядя на залитую лунным светом реку. Теперь Томилин мог видеть его достаточно близко, но только со спины. Словоохотливый азиат пощелкал языком. На какое-то мгновение улыбка стерлась с его лица, но уже через пару секунд вернулась на прежнее, привычное для нее место.

– Было бы легко, – заявил он, – мы бы и без тебя обошлись. А ты взялся. Подписался, как у вас говорят. Так что с тебя и спрос.

– Я понимаю. Через месяц все будет, как договаривались.

Второй узбек резко развернулся. Его руки взметнулись вверх и ухватили Игоря Васильевича за майку на груди. Затрещала непрочная ткань.

– Две недели, – грубо бросил он, будто отсек топором. Слюна брызнула в лицо Томилину, но утереться в этот момент он не решился. – Две недели и ни днем больше. Понял, козел? Иначе...

– Ладно-ладно, – миролюбиво вмешался его товарищ. – Не надо. Пока не надо... Он и так все понял. Верно я говорю, Игорек?

Томилин только кивнул в ответ.

Глава 8

– Клянусь, я этого не делал. – Сидя на корточках в гараже, Громов привалился спиной к своему мотоциклу. – Я бы никогда не смог сделать такого. Я же люблю тебя, малышка! И это абсурд... Полный. Ты-то хоть веришь мне?

– Да, я тебе верю.

Лена стояла напротив, сверху вниз глядя на его растрепанные волосы и перепачканную шею. Громов не рискнул прийти к ней сегодня, опасаясь встречи с Тамарой Николаевной. А Лена пришла к нему. Сама. И застала его в гараже наедине с любимым мотоциклом. Виктор был в рабочем комбинезоне. Лицо, руки и шея перепачканы так, словно он ковырялся не с одной-единственной машиной, а с целым автопарком.

– Я верю, но что толку, Витя? Ты даже представить не можешь, в каком бешенстве моя мама. То, что тебя выпустили под подписку, задело ее еще больше. Всю дорогу обратно домой она орала и возмущалась, не переставая. Честно говоря, и заявление-то подать она меня заставила, – грустно призналась девушка. – И что теперь делать? – Она тоже опустилась на корточки рядом с Громовым. – Я верю тебе. И я тоже тебя люблю. Понимаешь? Но... Будущее. У нас его просто нет, Витя. Мама ненавидит тебя. И это, наверное, еще слабо сказано. Она уверена, что избил меня именно ты. Сказала, что если еще хоть раз увидит нас вместе, убьет. И меня, и тебя... И я не думаю, что она шутит.

Громов хотел было сказать, что убить человека не так просто, как кажется, и что вряд ли Тамара Николаевна зайдет в своих угрозах дальше банальных слов, но предпочел промолчать, учитывая крайне подавленное состояние Лены. Протянув руку, он провел ладонью по ее волосам, а затем еще более осторожно коснулся кончиками пальцев ссадин на лице девушке.

– Милая моя, – с чувством произнес он, содрогаясь от одной только мысли о том, что пришлось пережить Лене там, на берегу реки. – Не о том ты сейчас думаешь.

– Да? А о чем же надо?

– Вопрос о нашем будущем можно решить позже. – Громов нахмурился. – А сейчас меня куда больше волнует другое. Какой подонок так обошелся с тобой, да еще и подставил при этом под подозрение меня. Я просто обязан найти его. Ради нас обоих...

– И что дальше? – В глазах девушки мелькнул испуг.

– Не знаю. Пока не знаю. Об этом я еще не задумывался. Я всю ночь провел в размышлениях относительно того, кто бы это мог быть...

– Надумал что-нибудь?

Громов грустно усмехнулся.

– Немного. Очень немного, Ленок. Вот подумай сама. Кому выгодно было подставить меня? Вроде никому. Так? Так. Но с другой стороны... Мотоцикл мой приметный. Такой один в городе. Да и шлем с огненными росписями в единственном экземпляре... – Словно в подтверждение своих слов Виктор растерянно покосился на висевший на руле шлем. – Едем дальше. Мотоцикл и шлем обычно хранятся здесь, в гараже. И взять их можно было только отсюда. Значит, кто-то сделал дубликат ключа и... Но кто? И как? Вот что я собираюсь выяснить в первую очередь. Никаких других зацепок просто нет.

– Как же ты это выяснишь? – Сидеть долгое время на корточках Лена не могла. Она встала, отошла в глубь гаража и опустилась на шаткий скрипучий стул, на спинке которого висела кожаная куртка Громова. – Может, попросить следователя заняться этим вопросом?

Виктор тяжело вздохнул.

– Как ты наивна, Лена. Думаешь, он станет этим заниматься? Только потому, что я выдвинул подобную версию происшедшего? Очнись. Спустись на землю, милая. Для ментов все уже и так предельно ясно. Есть жертва, есть преступник. Теперь надо лишь по-быстрому завершить

сбор улик и свидетельских показаний, после чего дело смело можно передавать в суд. Но меня такой расклад не устраивает, – добавил Громов после непродолжительной паузы. – Мне надо докопаться до истины. Потому что я один знаю, что не делал того, в чем меня обвиняют. – Он поднял глаза на Лену и тут же с улыбкой поправился: – Да, прости. Ты тоже об этом знаешь...

– Ну и какой же план действий, Витя?

Громов неопределенно повел плечами.

– Преступник, выдававший себя за меня, наверняка из нашего городка. И еще он явно из байкерской среды. Так мне кажется. Эту тему и надо пробить. Сегодня же. Я сметаюсь после обеда в пивнуху «У Стаса», где они постоянно отираются, поспрашиваю, поговорю кое с кем. Глядишь, нападу на след...

– А это не опасно? – обеспокоенно поинтересовалась Лена.

Громов улыбнулся.

– Для меня сейчас опаснее сидеть на месте и бездействовать, малыш, – резонно заключил он. – А байкерские тусовки... Для кого-то они, может, и опасны, но только не для меня. Я почти один из них. Почти... И многих среди них неплохо знаю. Они меня тоже. Не волнуйся...

Лена хотела спросить еще что-то, но не успела.

– Эй! Есть кто живой? – раздался пьяный голос от входа в гараж.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель втиснулась седая, как тополиный пух, бесформенная голова соседа Громова по гаражу, пятидесятипятилетнего мужичка, которого все в округе именовали не иначе как дядя Жора. Никто не знал ни его фамилии, ни его полного имени, а в гараже дядя Жора ошивался с утра до вечера исключительно для того, чтобы распивать с друзьями или в одиночестве дешевые спиртные напитки. Его старенькая «копейка» бог знает какого года выпуска давно уже проржавела и рассыпалась на куски. Впрочем, дядю Жору это и не сильно беспокоило. Он уже и в самом страшном сне не представлял себе, что когда-нибудь сможет сесть за руль автомобиля.

Громов поднялся на ноги.

– Доброе утро, дядя Жора! Что случилось?

Синюшное лицо соседа с толстыми потрескавшимися губами и недельной щетиной расплылось в улыбке. Он толкнул дверь и зашел внутрь громовского гаража. Приветливо кивнул Лене и тут же заговорщически зашептал, почти вплотную приблизившись к Виктору.

– Выручай, Витюша. Тридцать рублей надо. Край. Иначе хана мне. Займешь? А?

То, что дяде Жоре тяжело, было видно невооруженным взглядом. Громов успел привыкнуть к такому состоянию соседа-алкоголика. Он частенько навещался к нему с такими просьбами. И ни разу еще не отдавал одолженные деньги. Но и не дать ему снова займы Виктор не мог. Невзирая на свой недуг, дядя Жора был человеком хорошим и безобидным.

– Не бережешь ты себя, дядя Жора, – только и сказал Громов, доставая несколько десятирублевых купюр из заднего кармана штанов. – Когда же ты начнешь нормально о здоровье своем думать?

– Так я и думаю.

– Да не так. А по-человечески...

– По-человечески? А зачем? – Скрюченными пальцами дядя Жора проворно ухватил три предложенные ему банкноты и воровато сжал их в кулаке. – Ты думаешь, почему я пью, Витюша?

– Почему?

– Потому жизнь такая, мать ее так. Не моя жизнь, а вообще... Во что превращается этот мир? Ты никогда не задумывался над этим? Кошмар! Вот, например, слышали о том, что вчера произошло на заброшенной стройке? У реки которая?

– Нет. А что там такого произошло? – Мысли Громова вертелись вокруг собственных проблем.

– Не слышали, значит? Жуть. Там чечены какие-то то ли гексогеном, то ли пургеном торговали. На них целая банда на мотоциклах налетела. Перестрелка, трупы. Тут и менты, говорят, подросли. Ну, ясное дело, шум-то какой поднялся. Только наши доблестные менты хрен кого поймали. И чечены, и мотоциклисты – все свалили, оставив их с носом. – Дядя Жора натянуто засмеялся. – Вот такая у нас житуха. А ты говоришь, «по-человечески». Я еще, может, самый человечный человек из всех.

– Понятно, – покачал головой Громов, понимая, насколько далека рассказанная соседом байка от действительности, и тут же спросил: – Слушай, дядя Жора, ты мне лучше вот что скажи. Ты же тут постоянно в гараже сидишь. Может, видел, позавчера никто посторонний рядом с моим гаражом не ошивался?

– Эко ты спросил, Витюша! – хмыкнул дядя Жора. – За дурака меня держишь? Ты же сам позавчера сюда заходил! Не поздоровался толком даже. Уже темно было... Правда, я совсем бухой был, но еще соображал. Чесслово. Вот и подумал, чего это ты мотоцикл на ночь глядя забираешь?

Громов растерянно обернулся к Лене.

– Да не было меня здесь позавчера вечером! Точно говорю.

– Как же не было? – возмутился в ответ дядя Жора. – Ключом дверь открыл, тархтелку свою выкатил и помчался куда-то... Да, со мной трое приятелей позавчера бухали. Они все подтвердить могут.

– Нет, не надо, – поспешно отказался Громов. – Не надо никому ничего подтверждать.

– Ну, как знаешь. – Сосед покосился на полуоткрытую дверь гаража. – Пойду я, Витюша. А то боюсь, до магазина не дотяну. Лады?

– Иди, дядя Жора, иди.

– Спасибо тебе. Я твой должник.

Громов махнул рукой. Мало того, что на позавчерашний вечер у него не было никакого алиби, так теперь, оказывается, есть и свидетели того, как он свой мотоцикл из гаража забирал. Мистика какая-то, да и только...

Лена бесшумно подошла к парню сзади и обняла его за плечи. Уткнулась лицом в спину.

Глава 9

«Дьяволы Локки» разбились на две небольшие команды, отрабатывая основные тактические схемы игры. В мотоболе, как известно, нет жесткого распределения ролей. Каждый игрок должен успешно работать как в обороне, так и в нападении. И именно этого стремился добиться от своих подопечных Томилин. Полагаться на одного Громова, который в последнее время тащил на себе всю команду, было нельзя. Игорь Васильевич и прежде так думал, а в свете последних событий только утвердился в правильном направлении своих логических умозаключений. Пока еще победоносное шествие «Дьяволов Локки» на чемпионате России грозило обернуться полным крахом. Как раз сейчас, на этапе выхода в четвертьфинал, команда имела все шансы лишиться своего лидера.

Дмитрий Литяев крутанул ручку газа и сорвался с места. От стойки ворот он выдвинулся вдоль линии вратарской площадки, преграждая путь летящему в ворота мячу. Развернувшись на месте, он остановил полет спортивного снаряда задним колесом и тут же прижал его ногой. Резво пошел вперед, не выпуская мяча и держа курс на центральную линию поля.

Такая тактика игры в последнее время была для него привычной. Ему не нужно было делать для этого каких-то особенных финтов. Он привык к тому, что вся его роль заключалась в минимальных действиях на ограниченном пространстве площадки. Преградил, отобрал, прокатился всего пару метров вперед и точным пасом отдал мяч Громову, выводя его на атакующую позицию и отправляя в отрыв, прежде чем противоборствующая команда успеет вернуться в оборону.

Литяев сбросил скорость, вскинул голову и по привычке попытался поймать взглядом черным шлем Грома с пылающими по бокам языками пламени. Но Виктора не было на тренировке, а заменяющий его сегодня партнер по команде не успел проехать вперед до нужного предела. Атака захлебнулась... Противник успел вернуться и выстроить линию защиты. Литяев негромко чертыхнулся и ринулся в бой самостоятельно. Такие задачи давались ему уже не так просто. Другое дело – Гром... Он творил невозможное даже в подобной непростой ситуации. Лихо уворачивался от атак соперников, резко тормозя и неожиданно ускоряясь, закладывал непомерно глубокие виражи, разворачиваясь буквально на пятячке. Литяеву до такой виртуозности и маневренности было далеко. Его роль в атаке, как правило, заключалась лишь в том, чтобы помогать Грому, плавно оттирая соперника и уводя его на виражах на больший радиус поворота, в то время как остальные игроки, постоянно перемещаясь, пытались ограничить свободу маневра противников и самим занять выгодные позиции на поле. Точно так же все они поступили и сегодня, не сговариваясь, взвалив бремя лидерства на плечи Дмитрия.

Литяев на скорости въехал в зону защиты соперника и тут же подвергся стремительной контратаке сразу двух мотоболлистов. Он попытался увернуться, тормознул, но в этот момент один из атакующих налетел на него слева и ударил по переднему ободу колеса. Мотоцикл качнуло, как самолет, угодивший в воздушную яму. Литяев не удержал равновесия и полетел вперед. Кувыркнувшись в воздухе, он плашмя плюхнулся в месиво грязи. Мяч откатился противнику. Игра остановилась, парни дружно заржали.

Чувствуя, что слегка повредил при падении правое колено, Дмитрий тяжело поднялся на ноги. Вскинул забрало и посмотрел на сидящего на трибуне Томилина. Игорь Васильевич должен был сам прервать процесс тренировки свистком. Но он этого не сделал. Все остальные члены двух импровизированных команд, как и Литяев, повернули головы в сторону тренера.

Томилин явно не следил за действиями своих воспитанников. Он вообще не смотрел на поле и не заострял своего тренерского внимания на том, что там происходило.

Литяев поднял свой лежащий на боку мотоцикл, оседлал его и неторопливо покатыл к трибуне. Остальные мотоболлисты остались на поле.

Игорь Васильевич уже не в первый раз за последние полчаса набирал на своем мобильнике один и тот же телефонный номер. Не замечая приближения Литяева, он снова пробежался указательным пальцем по резиновым кнопкам и приложил аппарат к уху.

– Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети, – не сообщил ничего нового Томилину женский синтезированный голос.

– Бля! Да что ж за срань такая! – недовольно буркнул Томилин и вдавил пальцем красную кнопку.

Несколько секунд он сосредоточенно смотрел на аппарат, будто рассчитывал на то, что тот подскажет ему выход из сложившейся тупиковой ситуации, а затем опять принялся набирать заветный номер.

– Может, мы перерыв сделаем, Игорь Васильевич? – окликнул Томилина подъехавший к бортику Литяев. Он снял с головы шлем.

– Что? – Тренер растерянно поднял взгляд на игрока. Только сейчас он заметил, что тренировка уже остановлена без его ведома, а его воспитанники пристально наблюдают за его манипуляциями с телефоном. – А! Да, конечно. Давайте прервемся, ребята. У меня из головы не выходит вся эта история с Громом. Сборы уже на носу, черт бы их побрал, а у него подписка о невыезде. Да что я вам рассказываю? Вы и так все в курсе произошедшего.

Томилин небрежно бросил мобильник в карман адидасовской олимпийки и поднялся на ноги. Спустился с трибун на поле.

– А еще лучше перенесем тренировку на завтра. – Он махнул игрокам рукой. – На сегодня все свободны, парни. Идите переодевайтесь.

Литяев взял шлем под мышку и покатил мотоцикл следом за остальными. Томилин окликнул его.

– Дима!

– Да? – Литяев остановился.

– Слушай, а ты случайно не знаешь, где обычно тусуются местные байкеры? – Он подошел к воспитаннику и положил руку ему на плечо. – Я слышал, что вы с Громом иногда контактируете с ними.

– Не то чтобы контактируем. – Литяеву было тяжело опираться на поврежденную ногу, и он по возможности старался не переносить на нее вес всего тела. – Но пару раз общались, конечно. В основном по инициативе Грома. Он раньше активно тусил с этой братией, но потом откололся. Ушел в сторону... Вы же понимаете, Игорь Васильевич, что все общие интересы сводились только к одному. Любовь к мотоциклам. А зачем они вам-то понадобились?

– Я слышал, что среди байкеров есть большие любители мотобола. Мне и Гром говорил об этом. Нам сейчас нужен запасной игрок. Без Грома будет, конечно, сложно пробиться в четвертьфинал, и я все еще продолжаю уповать на благополучный исход его дела, но... Чем черт не шутит, Дима. Подстраховаться нам не помешает. Глядишь, и отыщется способная молодежь?

Томилин открыто смотрел в глаза молодому человеку и, прислушиваясь к собственным словам как бы со стороны, считал, что звучат они вполне убедительно и правдиво. А учитывая то, что все это Игорь Васильевич придумал только что, на ходу, у него были все основания гордиться собственной находчивостью.

Литяев согласно качнул головой.

– Что ж, вы правы, – сказал он. – Попробовать стоит. Но придется поторопиться, Игорь Васильевич...

– Это еще почему? – живо насторожился Томилин.

– Я думаю, что байкерская тусовка доживает в Серпухове последние денечки. – Прихрамывая, Литяев направился к раздевалке, и тренер, внимательно слушая его, шел рядом. – У них, знаете ли, традиция. Ежегодная. Всей стаей они подрываются и едут через Украину на Казантип. Это называется у них летним отрывом. Встречаются с байкерами из других городов,

курят дурь, пьют пиво... В общем, и не занимаются ничем новым, то же самое, что и здесь, но традиция...

Глаза Томилина превратились в узенькие щелочки. Информация, которой снабдил его Литяев, пришлась Игорю Васильевичу не по душе. Перед мысленным взором тут же возникли две неприятных узбекских физиономии, затем еще более отвратительная картина, как один из этих наглых типов хватает его за грудки и диктует жесткие условия.

– А у нас здесь они в последнее время отираются в забегаловке «У Стаса», – продолжил тем временем Литяев. – Есть такое местечко на берегу Оки. Может, слышали? В принципе ничем не примечательная пивнушка, но байкеры ее обожают. В некотором отдалении от города, куда менты обычно носа не кажут, да и вообще...

– «У Стаса», говоришь? – мрачно переспросил Игорь Васильевич.

– Да. Знаете, где это?

– Слышал краем уха.

Томилин слегка лукавил. Прежде ему доводилось бывать в придорожном заведении Серпухова, о котором упомянул Литяев. Было это, правда, давно и, судя по всему, до того, как это местечко облюбовала себе байкерская тусовка. В былые времена пивная пользовалась спросом у рыбаков и охотников. Но времена меняются. А вместе с ними, как известно, меняются и нравы.

– Спасибо, Дима.

Тренер слегка отстал от Литяева, доставая из кармана пачку сигарет и закуривая. Дмитрий вместе со своим мотоциклом скрылся в раздевалке. Щелкнув зажигалкой и подпалив кончик сигареты, Томилин снова достал мобильник. На положительный результат он уже не рассчитывал, набирая все тот же номер. Ответа не было.

Игорь Васильевич развернулся и зашагал к выходу со стадиона. Тренировки перед новой предстоящей игрой, так же как эмоциональный настрой воспитанников, его волновали сейчас меньше всего. Голова Томилина была забита собственными проблемами, и ему их хватало с лихвой.

Моросил теплый июльский дождик, на который мало кто обращал внимание, когда Томилин вышел на парковочную стоянку и направился к своему мотоциклу. Наполовину искуренная сигарета все еще торчала у него изо рта, и поднимавшаяся вверх тонкая струйка дыма заставляла Томилина держать прищуренным левый глаз. Он коротко оглянулся через плечо, швырнул окурок в небольшую лужицу возле бордюра и занял место в седле байка. Запустил двигатель.

* * *

Пивная «У Стаса» выглядела заброшенной и покинутой. Подкатив к крайним столикам и остановив мотоцикл, Томилин спешил. Ногой опустил подпорку мотоцикла. Огляделся. Все до единого столики были пустыми. На них живописно красовались пустые, захватанные пальцами бутылки, смятые жестяные банки, огрызки недоеденных бутербродов.

Дверь в самую забегаловку была открыта, и Томилин без колебаний зашел внутрь. Здесь тоже не было ни одного посетителя. Хозяин заведения, самолично исполнявший функции бармена и уборщика одновременно, сидел за дальним столиком у окна и, поплеывая себе на пальцы, лениво листал «Спортивный вестник». Заметив вошедшего Игоря Васильевича, он улыбнулся и поднялся на ноги.

– Пива?

Томилин подошел ближе, скосил глаза и чисто автоматически отметил, что газета Стаса открыта на результатах букмекерских ставок. Некоторые из них были жирно обведены синим

маркером, но, скорее всего, пометки эти были сделаны не сегодня. Ни на столе рядом с газетой, ни в руках Стаса не было никакого маркера.

– Нет, спасибо. – Игорь Васильевич расстегнул молнию олимпийки, просунул руку за отворот и извлек ее обратно уже с зажатой между пальцев пятидесятирублевой купюрой. – Меня интересует кое-что другое.

– Да? И что же? – Стас смотрел не на него, а на деньги.

– Информация.

– Я не торгую информацией.

Томилин снова запустил руку под олимпийку, и после этого к первой купюре присоединилась еще одна, точно такого же достоинства. Игорь Васильевич сложил их вместе и аккуратно положил на столик перед Стасом.

– Меня интересуют два человека, – спокойно произнес он. – Парень и девушка. Байкеры. Кличка парня – Крученный. Девушка называет себя Гюрзой. Знаешь таких?

– Предположим, что знаю. – Стас сгреб ладонью деньги и сунул их себе в нагрудный карман потрепанного жилета грязно-синего цвета. – И что дальше? Ты мент, что ли?

– Нет, я не мент. У меня с ними были кое-какие общие дела. Когда ты видел эту парочку в последний раз, Стас?

Размышлений для ответа хозяину придорожной забегаловки не требовалось.

– Вчера, в районе обеда. Они оба были здесь. Так же, как и вся их шумная ватага. Пили пиво, устраивали безумные соревнования на байках. Потом укатили.

– И все? – недоверчиво спросил Томилин. – А сегодня?

Стас снова сел за столик, сложил газету и сдвинул ее на край. Подпер кулаком подбородок.

– Сегодня тоже приезжали, – сказал он так тихо, что Томилин едва сумел разобрать произнесенные слова. – Только ни Гюрзы, ни Крученого не было. Больше всех верховодил Варфоломей, если вы знаете такого. Вся их стая была жутко возбужденной. Готовились к дальней поездке. На Казантип. Они мотаются туда от безделья каждое лето... Ненавижу этот сезон. Абсолютно мертвый в плане моего скромного бизнеса. Я даже пиво на него практически не покупаю. Чтобы не нести огромных убытков.

Томилин подавил чувство досады и понимающе покачал головой. Все сказанное Стасом ни на шаг не приблизило его к желаемой цели, и в данный момент он сожалел только о напрасно потраченных ста рублях. Стас продолжал смотреть на него в упор, словно готовился к новым расспросам.

– Так они уже, получается, уехали? – уточнил Игорь Васильевич.

– Совершенно верно. – По губам Стаса, как показалось Томилину, пробежала злорадная усмешка. – Об этом только и трепались сегодня, посасывая пиво. Трепались громко, и ошибиться я, сам понимаешь, не мог...

– А Гюрза и Крученный?

– Они тоже уехали. Варфоломей говорил, что их должны были подобрать уже где-то по дороге. Так что... Какие бы у вас там дела ни были с этой парочкой, придется отложить их до сезона дождей. Раньше никто не появится. Можете мне поверить. Мне известно об этом лучше, чем кому бы то ни было во всем Подмоскowie. – Стас приосанился. – Так вы уверены, что не хотите выпить пива? Свеженькое, живое... Я за качество товара отвечаю...

– Я уверен. Не хочу.

Томилин уже лихорадочно искал для себе верное решение. Бросаться за байкерами в погоню? Но кто их знает, как далеко они уже могли оторваться... Дорога до границы одна, но Игорь Васильевич не мог сейчас позволить себе даже на непродолжительное время покинуть Серпухов. И на то имелась не одна причина.

Треск мотоциклетного двигателя заставил его и Стаса одновременно повернуться к окну. Байкер в черной кожаной куртке и таких же штанах затормозил в метре от сиротливо стоящего возле столиков мотоцикла Томилина.

– Во! – Стас радостно оскалил зубы. – Гляди-ка, один отстал.

Но Томилин уже узнал прибывшего. Мощный черный «Агрессор» и расписной шлем с играющими на солнце языками пламени были ему отлично знакомы. И Игорь Васильевич не ошибся в предварительных прогнозах. Громов снял с головы шлем, подставляя мелким капелькам дождя смуглое сосредоточенное лицо с римским профилем. Судя по изумленному взгляду, которым Громов наградил припаркованный байк тренера, он тоже узнал его.

Томилин оставил Стаса наедине с терзавшими того мыслями о предстоящем недоходном сезоне заведения и вышел на улицу.

– Игорь Васильевич? – Громов уже обогнул первый столик, держа курс на вход в заведение. – Что вы здесь делаете?

Томилин открыто улыбнулся.

– Я хотел задать тебе тот же вопрос, Гром.

Бесхитростная уловка тренера сработала. Громов потупился и переложил шлем в другую руку.

– У меня появились кое-какие соображения, Игорь Васильевич...

Не вдаваясь в отдельные детали своих умозаключений и не акцентируя внимания на ничем не подкрепленных подозрениях, Виктор коротко ввел Томилина в суть дела относительно того, кто и как, предположительно, мог подставить его с избиением Лены. Тренер молча слушал воспитанника, и по ходу громовского монолога в голове Томилина зрел собственный план. Уже пару минут спустя он не сомневался в том, что сама судьба послала ему этого парня.

Громов замолчал.

– Знаешь, мне кажется, я мог бы тебе помочь, Гром. – Голос Томилина прозвучал заговорщически.

– В самом деле?..

Глава 10

– Сегодня ночью ты был просто на высоте. – Обнимая сидящего за рулем «Триумфа» Крученого, Гюрза немного склонилась вперед, и теперь жар ее дыхания обжигал бойфренду мочку правого уха. – Можно сказать, превзошел самого себя. Повторить сможешь?

– А то! – Крученого распирало от гордости. Его рыжая борода развевалась на ветру. Скорость байка была почти предельной. – Я еще и не на такое способен. Как только тормознем на ночевку, ты реально сможешь убедиться, что это не пустой треп...

– Надеюсь. И жду.

Безумный рев двигателей несущихся по трассе в едином порыве одиннадцати байков заставлял испуганно разлетаться в разные стороны оккупировавшее придорожные кукурузные поля воронье. С карканьем птицы взмывали вверх и еще какое-то время обеспокоенно кружили над полями, не рискуя опуститься и занять прежние облюбованные позиции.

Солнечный диск уже миновал свою наивысшую полуденную точку и теперь неумолимо катился к закату. Но яркие летние лучи все еще продолжали ласкать раскаленный от зноя асфальт. Хмурые дождевые тучи, гонимые ветром в сторону столичных окрестностей, прошли стороной, и непогода миновала разнузданную веселую ватагу под предводительством Крученого, прокладывающую себе курс к теплым краям крымского побережья. Как и всегда, в самом начале пути, настроение у всех членов серпуховской мотобанды достигало наивысшей отметки. Байкеры предвкушали удовольствие как от самой поездки, так и от того момента, когда они рано или поздно окажутся-таки в выбранном пункте назначения. Ежегодное мотоциклетное паломничество на Казантип к точке сбора всех байкеров бывшего СССР ни разу еще не оставляло никого равнодушным или разочарованным. За исключением дамы сердца Варфоломея и еще одного молодого байкера, так же, как и она, примкнувшего к группировке минувшей зимой, все остальные проделывали этот маршрут уже не первый раз.

Крученый, как и положено в таких случаях вожаку стаи, возглавлял кавалькаду, сидя с Гюрзой на одном мотоцикле. Девушка сама изъявила такое желание, оставив свою спортивную «Хонду» в Серпухове. Крученый был только рад этому обстоятельству. Близость такого желанного и пышущего жаром женского тела возбуждала его и прибавляла дополнительных позитивных эмоций. Он даже ощущал спиной соприкосновение с лишенной бюстгалтера высокой грудью Гюрзы.

– Тормознемся за Князевкой, Крученый? В посадках. Пожрать бы было неплохо.

Варфоломей нагнал вожака и поравнялся с ним на трассе. Поднял забрало, чтобы Крученому было его слышно. Тот только молча кивнул в ответ и прибавил скорости. Варфоломей отстал.

– Можно и не дожидаться ночевки. – Не отрывая глаз от стремительно поедаемой передним колесом байка трассы, Крученый слегка повернул голову, и солнечный блик отразился в его очках-консервах. – Помнишь то козырное местечко у камышового озера?

– Еще бы не помнить. – Гюрза несильно прикусила ему мочку уха.

По телу Крученого пробежала сладостная дрожь.

– Да, в прошлый раз мы там славно покувыркались, детка, – похотливо произнес он. – Я, правда, всю жопу себе исколол, и комары славно попиروвали на моих ляжках... Но все равно было отпадно. Я думаю, там и привалимся на обед.

– Задумка неплохая. Мне нравится.

Крученый снова добавил скорости, оторвавшись еще немного от остальных байкеров, и никто, кроме Гюрзы, не мог слышать его слов.

– Я сегодня с утра думал о том, что произошло ночью. Менты будут стоять на ушах – это точно. Но и не они одни заинтересованы отыскать нас. Тот дилер, что звонил тебе, если его не

поймали, тоже начнет землю носом рыть. Баблю за товар он потерял, а в их бизнесе подобных проколов не любят. А если взяли его, то есть же те, кто стоял за его спиной...

– К чему ты клонишь?

Гюрзе не хотелось вспоминать о событиях минувшей ночи, и разговор, затеянный Крученым, поубавил девушке хорошего настроения. Уверенность, с которой она держалась, не означала, что произошедшее несколько не беспокоило Гюрзу. Ни она, ни ее поделец, рванув из Серпухова, не имели представления о полной картине сложившихся последствий. Чем располагают менты? Что на уме у торговцев героином? На Казантипе достать их будет не так-то просто, а вот по возвращении обратно...

Крученный будто прочел в этот момент ее потаенные мысли.

– Я подумал, что, может, нам и нет смысла возвращаться, – предложил он. – Остальные пусть поступают, как им вздумается. У каждого своя судьба, и мне на них по большому счету глубоко наплевать. Но ты и я... Мы могли бы легко осесть где-нибудь на Украине. Выбирай любой город. Полная свобода. Весь мир открыт для нас, и я уверен, что нам везде будет курчаво. Что скажешь?

Видно было, что Крученный завелся. Его пьянила скорость и встречный ветер. Гюрза физически ощутила, как гордо расправились его плечи. Наверное, в этот момент Сибигатурин чувствовал себя властелином вселенной, попирающим землю огромными сапогами. Он не мог видеть скользнувшей по губам девушки саркастической усмешки.

– Я подумаю. Хорошо? – уклонилась она от прямого ответа.

– Да нет проблем. Времени у нас еще навалом.

Впереди у самой кромки кукурузного поля показалась одинокая фигура всадника. Байкеры стремительно нагоняли тихоходную лошадку, хоть та и бежала рысцой. Вполне миролюбивого вида старик в заломленном набок картузе, из-под которого выбивались непослушные кудрявые волосы, и в военных галифе, заправленных прямо в сапоги, выглядел как среднестатистический заурядный колхозник. Из правого кармана серого пиджачка выглядывало бутылочное горлышко поллитровки. Старик неохотно обернулся через плечо, мимолетно оценил приближающуюся к нему группу мотоциклистов и потянулся к бутылке. Сделал глоток прямо из горлышка, запрокинув голову вверх, отер губы тыльной стороной морщинистой ладони и спрятал бутылку на прежнее место. Закуска ему не требовалась. Он и не поморщился, употребив чуть меньше ста граммов водки.словно в бутылке находилась обычная родниковая вода.

Треск настигших всадника байков вспугнул лошадку, и она дико шарахнулась в сторону. Крученный громко заржал, наслаждаясь видом перепуганного животного. Остальные дружно подхватили его смех.

Старик натянул узду.

– Эй, держитесь подальше, охламоны! Нечего скотину волновать, – крикнул он, поднимаясь на стременах.

– Наглый дедок, – усмехнулся Крученный. – Верно говорят, что каждый суслик в поле агроном.

Его шутка вызвала новую волну смеха со стороны товарищей, а старик недовольно нахмурился. Что-то в его взгляде и слегка прищуренных глазах показалось Гюрзе необычным. Но никто, кроме нее, не обратил на это должного внимания. Оскорбленный в самых лучших своих чувствах каким-то задрипанным колхозником, Крученный специально пронесся на своем мотоцикле в непосредственной близости от лошади. Она снова предприняла попытку метнуться в сторону, но на этот раз старик был готов к подобному повороту событий и уверенно удержал ее на месте. Затем так же быстро и уверенно он вскинул руку с кнутом вверх и с характерным щелчком опустил его на плечо проскользнувшего мимо Крученого, едва не зацепив при этом Гюрзу. Байкер взвыл от боли.

– Ах ты, бля! – Он резко затормозил, развернул байк и остервенело крутанул ручку газа. – Ну, ты сам напросился, старый хрен.

Мотоцикл резво рванул на всадника. Лошадь среагировала быстрее седока, метнулась в кювет, споткнулась, взбрыкнула, и старик беспомощно вылетел из седла. Кувыркнувшись в воздухе и чудом не сломав себе при падении шею, он плюхнулся на живот, подмяв под себя ближайшие сочно-зеленые стебли кукурузы. Лошадь, проигнорировав произошедший со всадником казус, уже скакала через поля, взбрыкивая копытами.

Крученный спрыгнул с «Триумфа», подошел к обочине и расстегнул ширинку на кожаных штанах. Остальные байкеры тоже остановились. Некоторые, следуя примеру предводителя, спешили и приблизились к месту действия. Диким ржанием и улюлюканьем они поприветствовали поступок Крученого, когда тот беззастенчиво помочился с дороги, направляя тугую струю рядом с лицом лежащего на земле колхозника. Равнодушной к происходящему оставалась только Гюрза. Сидя на багажнике байка, она раскурила сигарету и перевела взгляд в противоположную сторону.

– Щенок паршивый. – Старик отстранился и с колен поднялся на ноги. – Ты мне за это еще ответишь.

Для пущей убедительности он погрозил Крученому зажатой в руке кнутом.

– Отдыхай, дядя. – Крученный иссяк и убрал обратно в штаны своего «красноармейца». – А в следующий раз сначала думай своей тупой башкой, прежде чем наезжать на кого-то. Или снова окажешься обоссанным. Лошадку сам отыщешь? Или тебе помочь?

Крученный чувствовал себя победителем. Он упивался властью над поверженным обидчиком.

– Ладно. Помчались, ребята! – скомандовал он и первым оседлал байк.

Старик вскарабкался на дорогу, когда ватага мотоциклистов уже сорвалась с места и, стремительно набирая скорость, скрылась за ближайшим поворотом на Князевку. Он глотнул из горлышка водки, сунул бутылку обратно в карман, а из противоположного достал мобильный аппарат. Быстро пробежался пальцем по кнопкам, набирая номер.

Глава 11

Громов был немного растерян и так до конца и не мог уловить, к чему конкретно клонит Томилин.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю, Игорь Васильевич, – честно признался он. – Каким образом вы можете уладить ситуацию? Добьетесь того, чтобы дело против меня было закрыто?

Их мотоциклы остались возле загаженных столиков придорожного заведения «У Стаса», которые хозяин явно не торопился приводить в относительно приличный вид. Поворачивая голову назад, Громов мог видеть свой «Агрессор» и лишний раз убедиться в том, что никто не покушается на его собственность. Томилин смотрел только на реку и лишь изредка на сидящего рядом с ним на бревне Громова.

– Как тебе объяснить?.. – Мужчина задумчиво жевал травинку, рассчитывая на то, что это поможет ему скрыть нервозность. – Разумеется, я не могу прямо сейчас обещать тебе, что дело закроют и спишут в архив. Но к этому мы будем стремиться. В конце концов, ты же знаешь, насколько высок мой авторитет в Серпухове. Я – и заслуженный тренер России, и мастер спорта международного класса. А это чего-нибудь да значит. Как считаешь?

– Наверное, значит, – не очень уверенно откликнулся Громов и снова обернулся назад.

– К тому же наше спортобщество «Динамо» номинально является ментовским, – продолжил Томилин, будто и не слышал слов собеседника. – Так что я могу поговорить, Гром, посодействовать. Для начала нам нужно хотя бы приостановить дело, а уж потом думать о его полном закрытии. И с твоей подпиской о невыезде вопрос надо решать. Куда это годится? Одним словом, там подсуется, тут подмазать... Я думаю, можно справиться. Менты тоже живые люди.

Громов наконец сумел полностью сосредоточиться на ходе беседы и начинал улавливать ее смысл.

– Хорошо, – сказал он. – Но, насколько я понял, вы хотите попросить что-то взамен. Я должен каким-то образом окупить затраченные вами силы и энергию. И, возможно, деньги, которые вам придется дать кому-то на лапу...

– Ну, в общих чертах ты прав, – туманно откликнулся Игорь Васильевич, еще больше нагнетая интригу и запутывая парня.

– И что же от меня требуется? – Виктор не любил ходить вокруг да около. Ему нужна была конкретика. – Высоких показателей в игре? Гарантированный выход в четвертьфинал, а то и выше?

Томилин засмеялся. Он вынул изо рта травинку и бросил ее в воду. Течение тут же подхватило ее и понесло вниз по реке. Мужчина отследил это перемещение взглядом, а затем только развернулся лицом к Виктору.

– С этой задачей ты и так бы справился, – бодро произнес он. – У меня нет никаких сомнений. Думаю, стоит тебе вернуться в команду, Гром, и у нас будет не только какой-то там выход в четвертьфинал, но и престижный кубок России...

– Вы мне льстите, Игорь Васильевич.

– Нисколько. Только я хотел попросить тебя о другом.

Повисла напряженная пауза. Громов ждал продолжения, понимая, что тренер как раз сейчас и намерен озвучить свое главное условие, ради которого им и был затеян весь этот разговор о взаимовыгодных отношениях, но Томилин продолжал молчать. Они молча сидели минуты две, показавшиеся Виктору целой эпохой. Затем тренер заговорил снова.

– Сказать тебе всего я по определенным причинам не могу, Гром... – Томилин опять отвернулся и слегка помассировал пальцами квадратный подбородок. – Не обижайся, пацан. Это даже не моя тайна. Скажем так, одни хорошие и влиятельные – очень влиятельные – люди,

Гром, попросили меня об услуге... Но, я чувствую, сам с ней не справлюсь, а вот тебе это по плечу. И это своего рода судьба. Потому что это твой шанс, Гром... Люди, о которых я говорю, в долгу не останутся. Так же, как и я... Известное всем правило: ты – мне, я – тебе...

– Так что же делать-то надо, Игорь Васильевич? В чем суть услуги? Вы уж говорите прямо.

Продолжать и дальше играть в прятки, занимаясь словоблудством, Томилин уже не мог. Внутренне собравшись, он произнес как можно небрежнее:

– Надо найти двух человек, Гром. Иннокентия Сибигатурина, который известен в байкерских кругах под кличкой Крученый, и Надежду Щипачеву, известную в тех же кругах как Гюрза. Ты ведь их обоих знаешь, Гром?

Предложение было для Виктора неожиданным, и он на какое-то мгновение растерялся.

– Ну, с Крученым я был знаком лишь шапочно, – неуверенно произнес он. – Он возглавляет серпуховскую мотобанду, а я только какое-то время тусовался вместе с ними. Мы даже и не общались толком, а с Гюрзой... Да, мы встречались чуть больше месяца, но в серьезные отношения наша дружба так и не переросла. Слишком разные взгляды на жизнь. Такие девушки не в моем вкусе... А что значит найти их, Игорь Васильевич? Они что, пропали?

– А ты не заметил? – Тренер качнул головой назад, заставляя Виктора обернуться на пустые летние столики забегаловки. – Сам же приехал потолковать с кем-нибудь из местных байкеров...

– Да, но опоздал. Они все свалили на Казантип. Это ежегодная традиция.

– Правильно. – Теперь уже Томилин пристально смотрел в лицо собеседника, наблюдая за его реакцией. – В этом и заключается вся суть твоего задания. Если ты, конечно, согласишься. Люди, о которых я уже неоднократно упоминал, хотят, чтобы ты отправился следом за ними и...

– На Казантип? – Громов ушам своим не поверил.

Томилин кивнул.

– Но я же не могу, Игорь Васильевич. У меня подписка. Забыли? Если я сейчас рвану в Крым, через границу, Богославский и все остальные расценят мои действия как попытку скрыться. И это будет вполне резонным умозаключением с их стороны. Меня объявят в розыск со всеми вытекающими...

Громов замолчал, толком не завершив начатую фразу. Ему даже мысленно представлять все последствия такого поступка не хотелось. Но он совершенно ясно понимал, что все «вытекающие» не сулят ему в будущем ничего хорошего.

Но Томилин был уже готов к данному повороту разговора.

– Ты невнимательно меня слушал, Гром? – с улыбкой спросил он. – Вопрос о подписке мы решим. Сегодня же вечером и решим. В ночь уже сможешь спокойно выехать, а когда ты вернешься, решим и все остальное.

Громов задумался. Предложение Томилина ему нравилось. Но нравилось лишь в том плане, что тренер готов был взвалить его, Виктора, проблемы на собственные плечи. Да и плата за услугу не казалась такой уж высокой. Если менты не будут его преследовать и не посчитают отъезд из города чем-то противозаконным, то смотаться до Казантипа и обратно было не так уж сложно. Дело трех-четырех дней в общей сложности. У Громова также не было и оснований не верить Игорю Васильевичу, который всегда тепло и дружески относился к нему. Виктор уважал своего наставника и считал его мужиком правильным. Но подсознательно что-то настораживало его. Где-то концы с концами не сходились, а тренер не хотел или действительно не мог сказать ему всей правды.

– А зачем этим людям Гюрза и Крученый? – отважился все-таки Громов на вопрос, хотя и чувствовал, что ответ на него вряд ли будет озвучен Томилиным.

– Я уже сказал тебе, Гром. – Игорь Васильевич развел руками. – Это не моя тайна. Так что давай так и договоримся: ты не задаешь мне лишних ненужных вопросов, а я взамен помогаю тебе выпутаться из той неприятной истории, в которую ты угодил. Идет? По рукам, Гром?

Виктор энергично встряхнул головой, словно отбрасывая последнюю тень сомнений и неуверенности. Поднялся во весь рост. Томилин поднялся следом за ним.

– По рукам! – Громов хлопнул ладонью по выставленной ему навстречу широкой мозолистой руке Игоря Васильевича, а затем робко добавил: – Только если вопрос с подпиской...

– Сегодня вечером, – решительно перебил его Томилин.

Глава 12

До заветных лесопосадок, облюбованных байкерами еще в позапрошлом году во время точно такого же переезда из Серпухова на Казантип, оставалось чуть меньше пяти километров. Князевка уже осталась позади. Они даже не заехали в деревушку, миновав ее стороной.

Крученый остановил «Триумф» и поднял вверх руку, призывая товарищей проделать то же самое. Байкеры выстроились в одну шеренгу.

– Надо бы подзаправиться. – Крученый не столько советовался, сколько отдавал четкий и ясный приказ, исключаящий любого рода возражения. Он указал пальцем на маленькую и нестационарную заправку, расположенную на шоссе прямо при выезде из поселка и состоящую только из строительного вагончика и пары бензиновых цистерн. – Дальше по дороге не будет ни одного такого места до самого Степного. А там мы будем только на рассвете. Считаю, что нет никакого понта метаться ночью в поисках горючего.

Спорить с вожаком никто не стал. Мото-банда дружно развернула свои пыльные байки и двинулась в направлении неказистой заправочной станции. Крученый первым подвел свой «Триумф» к заправочной колонке, возле которой дежурил молодой низкорослый паренек с побитым оспой лицом и крючковатым орлиным носом. На парне было спортивное трико с лампасами и грязная засаленная майка с полинявшей надписью на груди, слова которой разобрать уже не представлялось возможным.

– Полный бак!

Ни Гюрза, ни Крученый не слезли с мотоцикла, пока длилась заправка. Механизм заправки был старым и допотопным. «Пистолеты» со шлангами располагались не на колонках, а на поворотных кронштейнах, нависших над площадкой. По сути, и самих заправочных колонок как таковых не было, а потому бензин не отмеривался автоматически необходимыми порциями, как это практиковалось в том же Подмоскowie. Вместо всех необходимых для удобства деталей стоял обычный счетчик, по которому заправщик потом и мог определить, сколько же он залил в бак. Но парнишка управлялся со всеми этими тонкими нюансами довольно-таки проворно, видимо, успев набить руку и приноровиться к подобной технологии. А возможно, что никакой другой он отродясь и не знал.

Заправив байк, Крученый отъехал, а его место у счетчика тут же занял второй по очереди на заправку Балык. Сунув в рот сигарету, Крученый щелкнул зажигалкой, игнорируя красный знак, предупреждающий о том, что курение на территории заправочной станции строго запрещено. Очки-консервы поднялись на его высокий покатый лоб.

– У нас осталось еще пиво? – спросил он сидящую позади него Гюрзу, не поворачивая головы.

– Нет. Ни капли.

– Хреново. – Крученый слез с байка и подошел к парнишке-заправщику. – Слышь, братан, у вас тут пивом не торгуют? Ну, где-нибудь поблизости.

Парень выдернул «пистолет» из бака «БМВ» и молчаливым знаком показал Балыку, что тот тоже может уже отъезжать. Балык прокатился вперед, освобождая место следующему.

– В вагончике с тыльной стороны есть окошечко, – ответил абориген на вопрос Крученого. – У нас тут розничная торговля. Постучи в стекло. Серега должен быть внутри.

– Что? И пиво есть? – не поверил Крученый.

– Ты же про пиво и спрашивал? Верно?

– Верно?

– У Сереги.

Крученый неопределенно хмыкнул, расстегнул боковой карман кожаной куртки и достал из него деньги.

– А нормальное пиво-то? Или моча князевских деятелей?

Парень уже заливал бак нового подъехавшего к нему мотоцикла и на Крученого больше не смотрел. Следил за бегущей стрелкой старого, с облупившейся краской на корпусе счетчика.

– Я пиво не пью, – небрежно бросил он. – Говорю тебе, спроси у Сереги.

– Ладно, – процедил сквозь зубы Крученый. – Но если ваше пиво окажется говном, я его и тебе, и Сереге твоему в трусы залью. Понял?

Парень ничего не ответил. Крученый сплюнул себе под ноги и вразвалочку направился к строительному вагончику. Нужно ему окошечко оказалось именно там, где и сказал заправщик. Крученый согнул пальцы и костяшками постучал по стеклу. Рама дрогнула и поднялась вверх. В образовавшемся проеме появилось помятое розовое, как поросычья задница, лицо мужчины лет сорока с едва заметными щелками вместо глаз. Он молча, но вполне приветливо кивнул потенциальному клиенту.

– Какое пиво есть, кирюша?

– А какое надо?

– Какое-нибудь баночное и не совсем отстойное.

Ответить на запрос Крученого мужик не успел. Или он ответил, но Крученый не расслышал ответа. Внимание байкера в этот момент переключилось на другое. К заправке подкатила целая кавалькада, состоящая из четырех автомобилей, самым престижным из которых была белая «девятка», и восьми мотоциклов с кашляющими выхлопными трубами. На каждом из мотоциклов сидело по два человека. Две машины и три байка остановились сразу на подъезде к станции, остальные прокатились чуть дальше и заблокировали выезд на шоссе. Захлопали дверцы автомобилей, выпуская наружу крепких плечистых ребят, большая часть которых красовалась обнаженными волосатыми торсами. Мотоциклисты тоже спешили. В руках у прибывших появились дреколья и длинные велосипедные цепи. Лица суровые, сосредоточенные, не позволяющие усомниться в том, что настрой у незваных визитеров весьма решительный.

Крученый машинально отступил назад. Заправщик опустил шланг, не закончив заполнять бак очередного мотоцикла, неторопливо повесил его на крюк, развернулся и бегом припустил к строительному вагончику. Серпуховские и глазом не успели моргнуть, как этот ушлый малый уже скрылся за металлической дверью. Опустилась и рама окошечка для розничной торговли. Крученый и его товарищи затравленно переглянулись.

Вперед выступил бритоголовый детина под два метра ростом. На его могучей шее болтался массивный золотой крест. На безымянном пальце левой руки красовалась такая же внушительная по размерам печатка. В правой руке он угрожающе держал цепь, слегка размахивая ей при ходьбе.

– Здорово, отморозки! – грубо произнес он осипшим голосом и, мазнув взглядом по всем присутствующим, остановил его в итоге на Крученом. – А мы вас как раз и разыскивали. Думали, придется попотеть, чтобы нагнать вас, а оно вона как гладко все получилось.

– Вы кто такие? – с вызовом бросил Крученый, прикидывая равновесие сил и приходя к неутешительному выводу, что в случае столкновения перевес будет явно не на их стороне.

– Мы от Груши, фашист, – ухмыляясь, ответил двухметровый, намекая на немецкую каску байкера. – Знаешь такого?

– Первый раз слышу...

– Да ну? А вот Груша тебя, например, знает. Он тебя, засранца, хорошо запомнил, когда ты его в канаву загнал, да еще и поссал на него сверху, падла! Начинаешь припоминать?

Ни в каких дополнительных пояснениях Крученый уже не нуждался. В тот же момент испарилась, как дым, и последняя слабая надежда на то, что удастся избежать силового столкновения с неизвестными, разрешив все возможные вопросы и претензии мирным путем.

– Надеюсь, вы успели помолиться, ублюдки!

Велосипедная цепь описала кривую дугу над головой двухметрового. Угрожающе размахивая дрекольями и цепями, аборигены решительно двинулись на серпуховских...

Глава 13

Спортивно-туристический городок Чехов располагался в нескольких километрах от Серпухова, и Громову потребовалось чуть меньше получаса после звонка Томилина, чтобы до него добраться. Игорь Васильевич, как и обещал, позвонил Виктору в шесть вечера и назначил встречу в летнем кафе «Гранат», расположенном в Чехове неподалеку от недавно возведенного крытого спортивного комплекса с роскошными бассейнами, огромными теннисными кортами и волейбольными площадками.

Это место для встречи было выбрано Томилиным не случайно. Он страховался от любого рода случайностей и не желал афишировать свои действия. «Гранат» подходил для таких целей идеально. Публика здесь постоянно менялась, и никто никого никогда не запоминал. Даже официанты, работавшие в «Гранате», не фиксировали в памяти лица многочисленных посетителей, представляя их всех как единую безликую массу.

Громов заехал на стоянку и втиснул «Агрессор» между тентованной «Газелью» и компактной малолитражной «Окой» отталкивающего горчичного цвета. Взглянул на наручные часы и бордо зашагал к столикам. Томилин сидел в тени раскидистой ракиты и был не один. Рядом с ним расположился сухонький тщедушный мужичок лет сорока пяти с тонкой куриной шеей, но сильно выпирающим вперед кадыком. На нем была летняя шелковая рубашка фиолетового цвета и светлые полотняные брюки. Мужчина потягивал через соломинку ананасовый сок, а в свободной руке комкал клетчатый носовой платок. Время от времени он подносил его к лицу и отирал выступающий пот. Затем снова прикладывался губами к соломинке. Томилин ничего не пил, и перед ним стояла только стеклянная пепельница с двумя смятыми окурками. Третий окурочек торчал у Игоря Васильевича изо рта.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Громов, останавливаясь у столика.

Незнакомый ему мужчина, не отрываясь от соломинки, вскинул глаза вверх и молча посмотрел в лицо молодому человеку. Томилин поднялся и протянул Виктору руку.

– Привет, Гром. – Они обменялись крепким рукопожатием. – Присаживайся. Выпьешь чего-нибудь?

– Нет, спасибо, Игорь Васильевич.

В гараже его ждала Лена, и Громову хотелось вернуться засветло, прежде чем девушка объявит о том, что ей пора домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.